

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА № 26 ИЮНЬ 1984

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНИЁК

ЕЖЕНЕДЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля
1923 года

№ 26 (2971)
23 ИЮНЯ 1984

© Издательство «Правда», «Огонек», 1984

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОВЕЩАНИЕ СТРАН—ЧЛЕНОВ СЭВ НА ВЫСШЕМ УРОВНЕ

БЕСЕДА К. У. ЧЕРНЕНКО С Я. КАДАРОМ

13 июня Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко встретился с Первым секретарем ЦК ВСРП Я. Кадаром.

В ходе беседы была дана высокая оценка развитию советско-венгерских отношений, атмосфере доверия и взаимопонимания, характеризующих связи между КПСС и ВСРП. Была подтверждена решимость неуклонно углублять дружбу и сотрудничество двух партий, стран и народов в духе договоренностей, достигнутых в ходе визита

в СССР венгерской партийно-правительственной делегации летом 1983 года.

Товарищи К. У. Черненко и Я. Кадар констатировали полное единодушие в оценке современной международной обстановки.

Встреча прошла в атмосфере сердечности и единства, полного взаимопонимания по всем обсуждавшимся вопросам.

На беседе присутствовали помощник Генерального секретаря ЦК КПСС В. В. Шарапов и заместитель заведующего международным отделом ЦК ВСРП Г. Котай.

Перед началом беседы.

Фото В. Мусаэльяна, Э. Песова (ТАСС)

Документы Экономического совещания подписывает за Союз Советских Социалистических Республик Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко.

Фото А. Гостева

12—14 июня 1984 года в Москве состоялось Экономическое совещание стран — членов СЭВ.

На Совещании были обсуждены важнейшие вопросы экономического развития и сотрудничества братских стран. На Совещании выступили товарищи К. У. Черненко, Т. Живнов, Я. Кадар, Ле Зуан, Э. Хоненкер, К. Р. Родригес, Ю. Цеденбал, В. Ярузельский, Н. Чаушеску, Н. А. Тихонов, Г. Гусак.

Совещание приняло соответствующее решение. Единогласно одобрены также документы: «Заявление об основных направлениях

далнейшего развития и углубления экономического и научно-технического сотрудничества стран — членов СЭВ» и Декларация стран — членов Совета Экономической Взаимопомощи «Сохранение мира и международное экономическое сотрудничество», которые публикуются отдельно.

Документы подписали руководители делегаций: за Народную Республику Болгарию — Тодор Живнов; за Венгерскую Народную Республику — Янош Кадар; за Социалистическую Республику Вьетнам — Ле Зуан; за Германскую Де-

мократическую Республику — Эрих Хоненкер; за Республику Куба — Карлос Рафаэль Родригес; за Монгольскую Народную Республику — Юмжагийн Цеденбал; за Польскую Народную Республику — Войцех Ярузельский; за Социалистическую Республику Румынию — Николае Чаушеску; за Союз Советских Социалистических Республик — К. У. Черненко; за Чехословацкую Социалистическую Республику — Густав Гусак.

Совещание закрыл краткой речью товарищ К. У. Черненко.

При подписании документов при-

сутствовали товарищи Г. А. Алиев, В. И. Воротников, В. В. Гришин, А. А. Громыко, Г. В. Романов, М. С. Соломенцев, Н. А. Тихонов, Д. Ф. Устинов, П. Н. Демичев, В. И. Долгих, В. В. Кузнецов, Б. Н. Пономарев, В. М. Чебриков, И. В. Капитонов, Е. К. Лигачев, К. В. Русаков, Н. И. Рыжиков, члены делегаций, принимавших участие в Экономическом совещании стран — членов СЭВ на высшем уровне.

Работа Совещания проходила в конструктивном деловом духе, в обстановке дружбы, полного взаимопонимания и единства.

ВСТРЕЧА К. У. ЧЕРНЕНКО С Г. ГУСАКОМ

13 июня в Кремле состоялась дружеская встреча Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко с Генеральным секретарем ЦК КПЧ, Президентом ЧССР Г. Гусаком.

В ходе встречи были обсуждены вопросы дальнейшего углубления сотрудничества между КПСС и КПЧ, Советским Союзом и Чехословакией. С удовлетворением отмечено, что это сотрудничество становится все более весомым фактором в решении обеими странами задач экономического и культурного развития, осуществления социальных программ.

Советский и чехословацкий руководители выразили решимость СССР и ЧССР и впредь вносить достойный вклад в развитие социалистической экономической интеграции, упрочение сплоченности социалистического содружества.

При обсуждении обстановки в мире было подчеркнуто единство позиций СССР и ЧССР по всем вопросам современного международного положения.

Встреча прошла в обстановке полного единства взглядов, в духе братской дружбы и сердечности.

В тот же день Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко вручил в Кремле Генеральному секретарю ЦК КПЧ, Президенту ЧССР Г. Гусаку орден Ленина и медаль «Золотая Звезда» Героя Советского Союза.

На церемонии награждения выступил тов. К. У. Черненко.

С ответным словом выступил тов. Г. Гусак.

Руководители КПСС и Советского государства, чехословацкие товарищи сердечно поздравили тов. Г. Гусака с вручением высшей советской награды. Они пожелали ему новых успехов в партийной и государственной деятельности во имя дальнейшего укрепления единства КПСС и КПЧ, углубления братской дружбы и всестороннего сотрудничества советского и чехословацкого народов на благо мира и социализма.

Во время встречи.

Фото А. Гостева

Во время беседы.

Фото В. Мусаэльяна, Э. Песова (ТАСС)

БЕСЕДА К. У. ЧЕРНЕНКО С Э. ХОНЕККЕРОМ

ВСТРЕЧА К. У. ЧЕРНЕНКО С Д. ОРТЕГОЙ

18 июня состоялась встреча Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко с членом Национального руководства Сандинистского фронта национального освобождения, координатором Руководящего совета правительства Национального возрождения Никарагуа Д. Ортегой, находившимся в Москве с кратким рабочим визитом.

Во время встречи.

Во встрече приняли участие с советской стороны — член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев и помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. М. Александров, с никарагуанской стороны — член Национального руководства СФНО, министр планирования Г. Руис и

министр иностранных дел Республики Никарагуа М. Д'Эското.

В беседе, прошедшей в дружественной, сердечной обстановке, были рассмотрены вопросы двусторонних отношений между СССР и Никарагуа, а также некоторые актуальные проблемы международной обстановки.

К. У. Черненко и Д. Орtega с удовлетворением констатировали успешное развитие советско-никарагуанских отношений в различных областях на основе принципов равенства, взаимного уважения, невмешательства во внутренние дела друг друга и дружественного сотрудничества. К. У. Черненко выразил поддержку усилиям, прилагаемым руководством Никарагуа в целях национального возрождения страны, заявил о солидарности Советского Союза с героическим никарагуанским народом, отстаивающим свою свободу и независимость от агрессивных действий империалистических сил.

Фото В. Мусаэльяна и Э. Песова (ТАСС)

В зале заседаний девятой сессии Верховного Совета РСФСР десятого созыва.

Фото Дм. Бальтерманца, А. Гостева

ВАЖНЫЕ ЗАДАЧИ СОВЕТОВ

19 июня депутаты высшего государственного органа Российской Федерации в Москве, в Большом Кремлевском дворце, собрались на девятую сессию Верховного Совета РСФСР десятого созыва.

Бурными, продолжительными аплодисментами встретили депутаты и гости товарищей К. У. Черненко, Г. А. Алиева, В. И. Воротникова, М. С. Горбачева, В. В. Гришина, А. А. Громыко, Г. В. Романова, М. С. Соломенцева, Д. Ф. Устинова, П. Н. Демичева, В. И. Долгих, В. В. Кузнецова, Б. Н. Пономарева, И. В. Капитонова, Н. И. Рыжкова.

С докладом о задачах Советов народных депутатов Российской Федерации выступил член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров РСФСР депутат В. И. Воротников.

ВЕРНОМУ СЫНУ ПАРТИИ

Торжественное собрание, посвященное 70-летию со дня рождения выдающегося деятеля Коммунистической партии, Советского государства, международного коммунистического и рабочего движения Ю. В. Андропова, состоялось 14 июня в Москве, в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Вступительным словом собрания открыл директор ИМЛ академик А. Г. Егоров. С докладом выступил первый заместитель директора института профессор П. А. Родионов. Жизненный путь Ю. В. Андропова, стойкого коммуниста, пламенного патриота и интернационалиста, отмечали выступавшие, неразрывно связанные с историческими свершениями КПСС и советского народа, с решением ключевых задач плацдарменного и всестороннего совершенствования общества развитого социализма, с борьбой за мир и социальный прогресс во всем мире.

Коммунистическая партия, подчеркивалось на собрании, последовательно осуществляет полити-

ческий курс на укрепление экономического и оборонного могущества страны, углубление социалистической демократии, повышение благосостояния советских людей, всестороннее развитие личности. Важными вехами во всей многосторонней созидательной работе партии стали внеочередной февральский и апрельский (1984 г.) Пленумы ЦК КПСС. Советский народ, тесно сплотившийся вокруг КПСС, ее Центрального Комитета, Политбюро ЦК КПСС во главе с товарищем К. У. Черненко, самоотверженно борется за претворение в жизнь внутренней и внешней политики нашей партии.

На собрании присутствовали заведующие отделами ЦК КПСС В. А. Медведев, Б. И. Стукалин, секретарь Президиума Верховного Совета СССР Т. Н. Ментешашвили, первый заместитель заведующего отделом ЦК КПСС Н. Н. Четвериков, первый заместитель председателя Комитета государственной безопасности СССР Н. П. Емохонов, учёные, ветераны КПСС, представители трудящихся Москвы.

Во время торжественного собрания.

Фото В. Ун Да-сина (ТАСС)

КРУПНЫЙ ШАГ ВПЕРЕД

Такими словами можно охарактеризовать в самом общем виде итоги состоявшегося в Москве Экономического совещания стран — членов СЭВ на высшем уровне. Вновь подтверждена, как подчеркнул товарищ К. У. Черненко, общность оценок и взглядов в основном и главном, выражена коллективная воля и дальше крепить единство и сплоченность братских партий и государств. Участники Совещания стремились глубже понять интересы и нужды друг друга (а они, естественно, не во всем совпадают), сделать еще более тесным и эффективным взаимодействие стран — членов СЭВ.

Совещание, как известно, готовилось долго и тщательно. Ему предстояло обобщить богатейший опыт сотрудничества и экономической интеграции, накопленный за полтора десятилетия после предыдущего совещания такого рода в 1969 году, определить пути решения новых задач, вытекающих из изменения внутренних и внешних условий развития стран содружества. Напомню некоторые из этих изменений: снижение прироста трудовых ресурсов, увеличение затрат на добычу и транспортировку топлива и сырья.

Совещание в Москве успешно выполнило свою миссию. Крупный шаг сделан прежде всего в согласовании экономической политики, то есть в решении ключевой проблемы, поставленной XXVI съездом КПСС и съездами братских партий. Проблема сложна, ибо речь идет о взаимовыгодном согласовании интересов десяти суверенных социалистических стран трех континентов, весьма отличных по размерам территории, численности населения, по обеспечению природными ресурсами, степени экономического развития и включения в международное разделение труда.

Участники Экономического совещания в соответствии с демократической практикой СЭВ отметили в своем Заявлении, что имеют в виду углубить согласование экономической политики в областях, связанных с взаимным сотрудничеством, а между заинтересованными странами — и в других областях социально-экономического развития в той мере, в какой данные страны считут это необходимым. Будет усиlena коллективная работа партий и правительства стран — членов СЭВ по развитию сотрудничества и интеграции, по обмену опытом хозяйственного строительства.

Примером дальновидного комплексного подхода может служить решение сырьевых и топливно-энергетической проблем. Прежде всего производится максимальная мобилизация собственных ресурсов каждой страны, имеются согласованные меры, обеспечивающие более экономичное, рациональное использование энергоносителей и сырья. Что же касается поставок из главной стра-

ны-импортера — Советского Союза, участники Совещания договорились: для обеспечения экономических условий этих поставок, для компенсации производимых крупных затрат заинтересованные страны — члены СЭВ в рамках согласованной экономической политики будут предоставлять Советскому Союзу взамен необходимую ему продукцию, в частности продовольственные и промышленные товары, некоторые виды конструкционных материалов, машины и оборудование высокого качества и на мировом техническом уровне.

В центре внимания Совещания было лучшее использование преимуществ социалистической интеграции, повышение эффективности национальных экономик, внедрение самых передовых достижений научно-технического прогресса. Первостепенное значение придано развитию электроники, микропроцессорной и робототехники — областей, в которых особенно важно обеспечить конкурентоспособность на мировом рынке.

Экономическая организация стран социализма, добиваясь повышения эффективности сотрудничества, повышения коэффициента его полезного действия, не забывает и об интернациональном долге. Будет продолжена помощь Вьетнаму, Кубе и Монголии с тем, чтобы ускорить процесс выравнивания уровней их экономического развития с уровнем европейских стран — членов СЭВ. Факт, очень много говорящий общественности стран Азии, Африки, Латинской Америки.

Мы уже упоминали об изменении не только внутренних, но и внешних условий развития стран социализма и их экономик. Участники Экономического совещания не могли пройти мимо этих изменений, приняв специальную Декларацию «Сохранение мира и международное экономическое сотрудничество». Усиление военной угрозы со стороны наиболее реакционных сил империализма, прежде всего американского, страны — члены СЭВ противопоставляют свою альтернативу — упрочение мира и ослабление международной напряженности, конструктивное сотрудничество, в том числе в экономической области. Решительно осудив курс на подрыв мирных основ межгосударственных отношений, на использование экономических связей в качестве орудия политического давления, участники Совещания заявили в своей Декларации: «Этот курс в отношении стран социалистического содружества, как показывает исторический опыт, абсолютно беспроспективен».

Некоторые органы западной печати, прогнозируя результаты Совещания, ожидали роста «автаркических тенденций» в странах — членов СЭВ, «замыкание в себе» (парижская «Матэн»). Привыкшие к нравам капиталистической интеграции с ее бесконечными «трековыми», «винными» и прочими баталиями, иные газеты на Западе предсказывали острые противоречия на Совещании, невозможность нахождения общего знаменателя. Документы, единогласно принятые в Москве, опровергли такие прогнозы. Принимая согласованные меры для срыва империалистических «санкций» и «эмбарго», страны — члены СЭВ вместе с тем выдвигают реальную программу оздоровления международных экономических отношений в целом.

35 лет исполнилось недавно Совету Экономической Взаимопомощи, 40-летие народной власти готовится отметить в большинстве стран — членов СЭВ. Это и много и мало, если мерить мерками истории. Идя непроторенными дорогами, успешно преодолевая недостатки и сбои, социалистическое содружество демонстрирует великую жизненную силу нового строя.

РУКА ОБ РУКУ

Чувство глубокого удовлетворения вызывают итоги Экономического совещания стран — членов СЭВ на высшем уровне. Мировая социалистическая система неуклонно крепнет, оказывая все большее воздействие на весь ход международных событий. Отрадно, что за прошедшие пятнадцать лет социалистическое содружество удвоило объем промышленного производства, в то время как капитализм увеличил его немногим более чем на треть. Динамично растет экономика, ускорено развивается наука и техника, постоянно повышается народное благосостояние и культура. Каждый из нас в полной мере ощущает на себе социальные преимущества нашего общества, где на первое место поставлены интересы человека труда.

Многотысячный колlettiv Всесоюзного промышленного объединения «Оренбурггазпром» уже много лет принимает непосредственное активное участие в укреплении экономи-

ческого сотрудничества социалистических стран. В степи под Оренбургом от газового комплекса, как известно, брант старт крупнейшая международная стройка. Бригады из шести стран вышли тогда на трассу газопровода «Союз». С 1978 года он успешно эксплуатируется. Голубое топливо получают Болгария, Венгрия, ГДР, Польша, Румыния, Чехословакия.

С хорошим опережением трудаются оренбуржцы и в этом году. За пять с половиной месяцев добты свыше 550 миллионов кубометров газа сверх плана. Одновременно ведутся строительные работы по дальнейшему развитию комплекса. И снова в них участвуют наши друзья и единомышленники. Болгарские строители помогают, например, осваивать Караганское месторождение газа в Уральской области, сооружают местный продуктопровод для подачи жидкого газа Оренбург — Шкапово.

Братское сотрудничество успешно продолжается. Создавая реальные предпосылки для более эффективного решения задач интенсификации производства, мы укрепляем позиции социализма, работаем во имя мира и прогресса.

В. НЕМКОВ,
заместитель начальника ВПО
«Оренбурггазпром»
по переработке
и транспорту газа

СИЛА БРАТСТВА

С каждым годом все шире развивается сотрудничество Советского Союза, в том числе Белорусской ССР, со странами — членами СЭВ. Это ясно видно и на примере работы нашего отделения. Через Брест идут сотни встречных поездов с грузами для братских государств. Железнодорожники учатся друг у друга новым приемам работы, прогрессивному использованию подвижного состава, всех технических средств, опыту воспитания кадров транспортников.

Московское Экономическое совещание стран — членов СЭВ на высшем уровне, несомненно, послужит дальнейшему укреплению нашего содружества и будет способствовать, как сна-

зано в Заявлении стран — членов СЭВ, «дальнейшему поступательному развитию их экономик и взаимному сотрудничеству, росту престижа и привлекательной силы социализма в мире».

Братские страны — участники Совещания подчеркнули свое непреодолимое стремление к миру. Их призыв искать пути разрядки напряженности в мире актуален сегодня, как никогда. Он еще раз утверждает твердую позицию не допустить военного конфликта на планете.

Е. МАДАЛИНСКИЙ,
председатель дорпрофсоюза
Брестского отделения
Белорусской ордена Ленина
железной дороги

Всия жизнь - взлет

В начале тридцатых годов во всех воздушных парадах неизменно участвовала знаменитая пятерка истребителей. Самолеты, словно связанные друг с другом, выполняли высший пилотаж так виртуозно, что у зрителей захватывало дух. Водил пятерку Владимир Коннинаки.

Его незаурядный летный талант был замечен, и Коннинаки перевели на испытательную работу. В 1935 году он пришел в конструкторское бюро Ильюшина. В просторном заводском цехе стоял пахнущий свежим авиационным лаком двухмоторный моноплан «ЦКБ-26» — первое детище Ильюшина. Коннинаки его испытал. Так началось содружество двух выдающихся деятелей советской авиации, давшее путевку в небо многим замечательным военным и гражданским самолетам.

Мне посчастливилось как журналисту участвовать в одном из испытательных полетов Коннинаки. Владимир Константинович, дважды Герой Советского Союза, лауреат Ленинской премии, почетный президент ФАИ, заслуженный летчик-испытатель СССР, генерал-майор авиации, встретил меня у самолета. Высокий, плечистый, в кожаной куртке и серой кепке, на висках седина, лицо загорелое, взгляд цепкий, внимательный, со скрытой лукавинкой. Пожимая руку, добродушно усмехнулся:

— Не боитесь лететь?! Правильно делаете. Испытания будут немудрые. Машина практически уже испытана, просто еще раз кое-что проверим.

Я, конечно, знал, что испытания предстоят «немудрые», а главное знал, с кем лечу. Имя Коннинаки было тогда синонимом выдающегося летного мастерства, надежности, хладнокровия и добросовестности. Ни разу он не допустил ошибки, приведшей к аварии или катастрофе. И ни разу он не бросил в воздухе самолет.

Но испытания заставили поволноваться. Сначала летчик выключил один из четырех двигателей, потом другой и на двух двигателях произвел посадку.

— Как видите, все просто, ничего драматического,— прощаясь со мной, пошутил испытатель.

Родился он в Новороссийске восемьдесят лет назад. Мальчишкой об авиации не помышлял. Семья была большая: шесть братьев и сестра. Отец работал на железной дороге весовщиком, жалованье маленькое. Пришлось рано начать работать. В порту был грузчиком, помогал рыбакам, ходил с ними в море на шаландах.

В 1927 году, когда служил в армии, в часть пришла разнарядка — одного человека направить в летную школу. Этим счастливцем стал Владимир Коннинаки. Вслед за ним в авиацию пошли и четыре брата. Александр стал пилотом бомбардировщика. Погиб в начале войны, ходили они тогда в бой без прикрытия. Валентин тоже был летчиком. Константин летчик-истребитель. В середине войны его отозвали с фронта на испытательную работу. За испытание новых истребителей удостоен звания Героя Советского Союза. А самый младший, Павел, летал бортинженером.

Когда разговор с Владимиром Константиновичем заходит о профессии летчика-испытателя, он соглашается: да, конечно, профессия

нелегкая, но зато самая романтичная в мире.

Новый самолет являет собой как бы уравнение с одним, а иногда и несколькими неизвестными. Решить это уравнение можно только в воздухе.

Владимир Константинович за свою жизнь испытывал 62 типа опытных самолетов, из которых 29 было внедрено в серийное производство. При этом попадал иногда и в критические ситуации. А вот испытывал ли он в воздухе чувство страха?

— На этот вопрос,— сказал Коннинаки,— мне и сейчас, когда уже не летаю, ответить непросто. Ведь людей без нервов не бывает. Страх, вероятно, присутствовал где-то в уголке сознания; но овладеть мной не мог: мозг-то целиком был занят происходящим, действия и решения требовались мгновенные, пугаться-то и некогда.

Как-то я спросил, какой из испытанных самолетов был у него самым любимым.

— Каждый следующий,— засмеялся испытатель,— а если серьезно, то так ставить вопрос нельзя: какой самый, какой не самый?

Однако к некоторым машинам я испытывал особые чувства. Имею в виду самолеты военных лет. До сих пор горжусь тем, что был причастен к созданию штурмовика «Ил-2» — лучшего самолета поля боя второй мировой войны. А созданный Ильюшиным дальний бомбардировщик «ДБ-3», который потом именовался «Ил-4»! Им в основном была вооружена вся наша авиация дальнего действия. На этих самолетах советские летчики уже в первые месяцы войны бомбили столицу фашистского рейха.

Тепло вспоминаю «ДБ-3» и потому, что на этом самолете в тридцать девятом году совершил перелет из Европы в Америку через Северную Атлантику. Почти сутки сидел за штурвалом. Теперь, конечно, таким перелетом никого не удивишь. Но в тридцатые годы, как известно, не было и в помине компьютеров, электроники, совершенных пилотажных и аэронавигационных приборов, спутники не давали точный прогноз погоды по всему земному шару. В борьбе с грозными силами стихии летчик мог рассчитывать только на свое профессиональное мастерство, хладнокровие и выносливость.

Тогда, при перелете в Америку, погода по маршруту не радовала, а на последнем отрезке пути совсем испортилась. Все прибрежные аэродромы закрыли туман, а горючее уже было на исходе. Увидел в разрывах тумана землю. Отыскивать ровную площадку было уже некогда, поэтому сел на прибрежную кромку возле самого океана. За этот полет, как первооткрыватель пути из Европы в Америку через Атлантику, был награжден международным орденом Розы Ветров с бриллиантами.

С особой теплотой и сердечностью Коннинаки вспоминает Сергея Владимировича Ильюшина.

— Мне посчастливилось,— говорит он,— что работал в КБ такого выдающегося авиаконструктора. Я испытывал все его самолеты от «ЦКБ-26» до самого последнего «Ил-62». Это была и моя последняя машина. Транспортный самолет «Ил-76Т» и аэробус «Ил-86» испытывал уже Герой Советского Союза Эдуард Иванович Кузнецов. Он пришел к нам в КБ в конце шестидесятых годов и теперь заслуженный летчик-испытатель.

«Илы», созданные Ильюшиным и испытанные Коннинаки, еще долго будут служить народу.

В. К. Коннинаки во время испытательного полета.
Фото Дм. Бальтерманца.

С. В. Ильюшин и В. К. Коннинаки на Шереметьевском аэродроме.
1969 год.

Публикуется впервые.
Фото автора.

Сам — овечка,
ветвь — ракета,—
Очень лживое всё это.

Дм. Дёмин

Рис. КУКРЫНИКСЫ

КУКРЫНИКСЫ-84

Они прошли гитлеровские лагеря смерти.

Антифашистский митинг в Оберхаузене.

Памятник жертвам нацизма в Дортмунде.

Фото автора

ГОЛОВА-МЕРТВАЯ, НАЦИЗМ-ЖИВОЙ...

Владимир КОВНАТ,
корреспондент-
кинооператор
Советского телевидения

— Добрый вечер, как поживае-
те, как ваше здоровье?

— Добрый вечер, спасибо...

— И я здоров! Ха-ха-ха!

Действительно, очень рослый, крепкий немец лет шестидесяти пяти, седой, с хорошо загоревшим лицом, выглядел для своего возраста совсем неплохо. Мы не могли его не заметить, когда вошли, а он явно прислушивался к нашему разговору и, видимо, понимал русский язык. Это происходило в маленьком холле крохотного провинциального отеля в Западной Германии. Оказалось, жизнерадостный господин учил русский во время войны.

— Были в плену?

— Нет-нет! Не плен... Воевал!

— Судя по росту и выпрямке — СС!

— О да! Ха-ха-ха! Эз-Эз! Вы знаете?

Уж конечно, мы знали дивизии СС. Конец этих отборных частей оказался самым бесславным. Человечество было в уверенности, что с фашизмом покончено навсегда. Даже мысли никто не допускал, что бешеный зверь нацизма когда-нибудь зашевелится. Однако в сегодняшней Западной Германии бывшие эсэсовцы не

только чувствуют себя спокойно и уверенно, но и имеют полную возможность проводить свои собраши.

Не так давно в южногерманском городке Оберауле снова встретились «старые бойцы» дивизии СС «Тотенкопф» [«Мертвая голова»]. Арендовали зал, заказали еду и пиво, повесили на дверь написанную от руки табличку «Гешлессене гезельшафт» [«Закрытое общество», то есть посторонним вход запрещен], договорились с полицией об охране и съехались сюда со всей ФРГ. Может быть, они собирались для того, чтобы покаяться друг другу в грехах и военных преступлениях! Ничего подобного. Старые гитлеровцы выглядели уверенными в себе и полными «боевого духа».

Правда, до того, чтобы промаршировать с барабанным боем под черным штандартом, поднимая носки сапог до пояса, дело в Оберауле не дошло. Это было бы противозаконно. А главное, более пяти тысяч граждан, собравшихся здесь на антифашистскую демонстрацию, просто не позволили бы. Но они не могли помешать эсэсовцам заседать, а тем более не могли выбросить нацистов из городка, как предлагали молодые демонстранты. Ведь это было бы нарушением орднунга, то есть порядка.

— Почему же, — кричали молодые люди, — почему полиция защищает не орднунг, а «Тотенкопф»!! Или у нас опять «новый орднунг» [новый порядок]!!

— Просим всех соблюдать спо-

койствие, — призывали в мегафоны организаторы демонстрации, — наше шествие мирное...

Во главе демонстрации антифашистов шли бывшие узники гитлеровских концентрационных лагерей. На груди у них были плакаты с перечнем тюрем и лагерей смерти, через которые эти отважные люди долгие, мучительные годы несли веру в гибель фашизма. Бухенвальд, Маутхаузен, Дахау и многие другие. Городская площадь не могла вместить всех демонстрантов. Сотни их стояли на прилегающих к площади улицах, поднимая плакаты и скандируя:

— Эсэсовцы, вон из нашего города! Никогда снова нацизм, никогда снова война!

Прошло не так много времени, и в ФРГ начались съезды региональных организаций национал-социалистской — она запрещена законом, а национал-демократической партии. Национал-демократы земли Северный Рейн-Вестфалия собрались в городке Дробенхое, всего в тридцати минутах езды от столицы. Едва подъехав к центру города и не успев еще выйти из машины, мы увидели, как группа бритоголовых, одинаково одетых молодых людей атаковала семью, идущую к центральной площади под маленьким антифашистским флагом. Отец семейства, несший флаг, был сильным ударом сбит с ног. Досталось и его жене, и детям, и внукам.

Командир группы, бородатый человек в зеленой куртке, сначала пытался разорвать флаг, но потом взял его с собой как трофеи

и хвастался им перед участниками съезда — под их рукоплескания.

Здание, где собрался съезд национал-демократов, было со всех сторон надежно защищено полицейскими кордонами. В пятидесяиметровом промежутке между двумя железными барьерами стояли полицейские с огромными собаками на поводках. А пока основная колонна антифашистов не подошла, молодые национал-демократы разгуливали по площади, нападали на собирающихся здесь демонстрантов и прессу. Не оставили молодые национал-демократы и нас без своего пристального внимания. Внезапно я увидел в визире голый синеватый череп, закрывший кадр, а затем бритоголовые стали совать в объектив работавшей кинокамеры свои руки, носы и языки. Один юнец так обслонялся языком объектив, что потом пришлось отмывать оптику спиртом. Позже два фотографа рассказали, что эти молодцы, вдохновленные безнаказанностью,ломали им фотоаппараты. Мешать прессе, а тем более нападать на нее — это уж самое распоследнее дело и позор, говорили немецкие журналисты.

В это время антифашистская демонстрация двинулась мимо плотных полицейских шеренг. Сильный ветер надувал плакаты, рокотал в полотнищах флагов. «Наци, вон!» — кричали демонстранты. Они развернули перед зданием, где собирались национал-демократы, широкий плакат с надписью: «Не допустим возрождения нацизма в Германии!»

НИКОЛАЙ АРГУНОВ

Александр БАСМАНОВ

Почти всю свою жизнь Аргунов был крепостным человеком графа Николая Петровича Шереметева. Он был крепостным в продолжении сорока пяти лет и даже знал себе цену, баснословно огромную: полторы тысячи рублей,— и это во времена, когда цена на людей упала особенно низко, рублей до десяти—пятнадцати, в зависимости от возраста, пола и ремесла «покупки».

Свою цену Николай Иванович Аргунов знал оттого, что те деньги за него, тридцатидвухлетнего, предлагал в 1803 году князь Щербатов, увидав, как виртуозно написал он портрет мальчика, графова двоюродного племянника; тогда только начиналась мода на небольшие (кто-то называл их «ласковыми») кабинетные портреты, и Щербатов мечтал заполучить живописца, который умел бы их хорошо делать. Торг случился за шесть лет до смерти Шереметева и за тринадцать до получения вольной, и Аргунов отлично помнил, как граф, который никогда и никого не продавал, а только покупал по своему необъятному богатству, лишь улыбнулся Щербатову.

Дело было в Фонтанном петербургском особняке, в маленькой приемной, куда вызвали и автора «ласкового» портрета, в злосчастном 1803 году буквально за неделю до кончины жены графа, Прасковьи Ивановны, и Аргунов заметил, как Шереметев, не ложившийся уже вторые сутки, бледный, побелел еще больше от бес tactности Щербатова—покупателя, но только надменно улыбнулся ему и с этой улыбкой глянул в большое зеркало на Аргунова. Так и запечателась эта картина в памяти Николая Ивановича: в зеркальной раме улыбающийся, с черными кругами под глазами граф и он сам — в глухом, бутылочного цвета сюртуке, с несколько всклокоченными волосами, худой и с постыдно растерянным взглядом.

Аргунов потом всегда с какой-то болью вспоминал это зеркало, как бы вдруг вскрывшее его постоянно униженную душу, хотя, в общем, ему всегда, как он считал сам, здорово везло. Он никогда не голодал, был лучшим образом и по барскому этикету одет и даже имел деньги — жалованья сорок рублей, а часто за хорошую работу и наградные. И хоть иногда делалось обидно, что за превосходный подчас портрет Николай Иванович получал наградную десятирублевую монету, в то время как тут же французы Шамиссо отсчитывали за миниатюру пятьсот радужных червонцев, но те обиды — мелкий пустяк, а вот что ни разу Николая Ивановича не пороли на конюшне и граф его никогда не оскорбил словом — это дело для счастья поважнее. Нет, конечно же, обозревая жизненный свод, видятся ныне и тучки, но они теперь далеко, укатили почти за горизонт, а когда-то было страшно, что выскочат из них грозовые удары. Помнилась, например, та легкая тучка, какая прошла тенью по графскому чelu, когда он второй раз и уже жестким тоном отказал в женитьбе на танцовщице Алене Казаковой, объяснив, что сия «дансёрка» ему, графу, самому нужна — для сцены; и после этого объяснения не призывал к себе Аргунова примерно с месяц, а тот мучился, не зная, чем кончится немилость и как будет жить он дальше.

Помнилась еще тучка, которая покрыла все темью, когда архитектор Алешка Миронов, известный бунтовщик, сам написал и его надоумил написать че лобитную с просьбой о воле, и, только оставил бумагу в графской канцелярии, Николай Иванович содрогнулся оттого, что собственными руками сотворил, зная, как не любит граф никого отпускать и как гневается на просьбы об отпуске, но и тут все прошло благополучно и мимо, то есть без ответа. Теперь, вспоминая свою жизнь, он отчетливо видел в ней другое, будто бы главное — два года из этой жизни и два писанных им портрета: словно все шло именно к ним, а потом, после, как в камере-обскуре, что-то переворотилось и отступало, отступало от них же, пока не истаяло вовсе.

Аргунов, уже отпущеный из дворовой крепости и почтенный академик, стоял после смерти барина наемной квартирой на Васильевском острове, с запой в два света, приспособленной под мастерскую: заказов было много, был достаток, и все-таки — он чувствовал это ясно — жизнь кончилась. Туманы ли, которые делались особенно сырьими на этом острове, холодные ли отношения к нему в академии, но что-то действовало на него скверно, и почти единственной радостью были посещения по праздникам Фонтанного особняка, где он видался с Татьяной Васильевной Шлыковой, в прошлом единственным и сердечным другом Прасковьи, и с молодым Дмитрием — ее сыном.

Прасковья умерла уже семнадцать лет назад, но она смотрелась перед глазами как живая, и все тут, в петербургском Фонтанном особняке, напоминало ее: футляр карельской березы с увядшими под стеклом нарциссами, принесенными с похорон; вбитая в пол ее спальни

бронзовая надпись «Тут было обитание в бозе покоящейся моей обожаемой супруги, графини Прасковьи Ивановны Шереметевой» — и вообще множество надписей и табличек в дому, посвященных ее памяти: здесь сидела она, здесь проводила приятное время и прочее; в кабинетах же — ее арфа, ее, вставленное в раму, шитье, ее фортепиано, ее большой, в рост, портрет: она недели за две до родов, с сильно измененным беременностью, но тем не менее грациозным станом, с уже печатью смерти на как бы завострившемся лице.

Аргунов очень помнил, как писал этот портрет, особенно тщательно используя приемы, переданные ему еще отцом, а тому, в свою очередь, виртуозом Гроотом: изображая аксессуары и одежду с помощью лепки мазками, он придавал им выпуклость, будто облачал свои модели в великолепные ризы. Именно так Аргунов выписывал темно-малиновый ковер с рассыпанными пышными розами на густолистенных стеблях, несколько тяжеловесную роскошь душноватой комнаты, бархатистую зелень драпировок и точно одушевленный бюст графа Николая Петровича, испускающий мраморную, странную полуулыбку прямо на смотрящего. Но главное дело была Прасковья — с платком в тонких пальцах и в домашнем краснополосатом халате, глядевшая несколько вбок и скорбным обликом поражая особенно — в драматическом соседстве с вертикальными полосами одеяния, будто затравленная лань; Аргунов знал точно, что нет нигде подобного портрета и никогда не будет, и знал еще, что сильнее картины он больше не напишет.

Прасковья дала ему тогда три сеанса: выходила, неся с собою слабый запах хвойных духов, бледная, осунувшаяся, с нездоровым румянцем, в чепце, покрывавшем милые кольца ее волос. Пока он работал, они говорили о заснеженном саде, сахарными горами поднимавшимися в раме окна, о красках погоды, ее зимних жемчужных оттенках, но потом в их беседе обязательно наступало лето и поднимался занавес старых кусковских спектаклей, разыгрываемых на воздушной сцене, где кулисами были боксы, стриженные кубами и пирамидами; и она всегда оживлялась от этих воспоминаний и еще от воспоминаний о всех бывших своих кусковских друзьях, и сеанс пролетал птицей, пока не отворялась высокая полуудверь — граф, со своими словно от удивления приподнятыми бровями, входил в ателье: «Мой друг, доктор Фрезе ожидает Вас...»

Любил ли Аргунов эту женщину? Это казалось так невозможно, что подобная мысль даже не шла к нему, хотя он знал наверное: прекраснее ее, жальче и вместе величественнее нету во всем свете. Она была старше его на три года, и он особенно стал любоваться ею, с замиранием сердца, с биением его чуть ли не в горле, с 1786 года, с премьеры «Царицы Голкондской», когда ему было пятнадцать, а ей восемнадцать — разрыв, заставляющий влюбленного мальчика глядеть на предмет своих симпатий почти как на божество. И, боже, какая пропасть лежала между ними!

Она была взята из дома кусковского кузнеца и воспитана (четыре европейских языка, дорогие, выписанные из-за границы учителя музыки, изящная словесность) в графском дворце за голос и божий дар драматической актрисы: Шереметев говорил, что лучшей он не видел нигде. О ее «миланском» голосе ходили легенды, но Аргунов больше, чем в спектаклях, любил его слышать во время распевов и разучиваний, в те далекие годы ежедневно, вернее, ежеутренне доносившихся из Нового дома, и он, идучи спозаранку, когда еще легкий туман крыл траву, в свою мастерскую на дальний край парка, почти всякий раз прятался за старым дубом, прислушиваясь к ее арфе и к звукам голоса, великолепного, несмотря на чуть легкую качку в верхних нотах.

Новый дом, небольшой, деревяннойстройки, граф поставил возле театра специально для Прасковьи — чтобы отделить ее от всех и вся. Аргунов был в доме только раз, когда развешивал картины — единственную в этих стенах роскошь, — и ему всегда приятно вспоминалось, что в предспальной, ритмически делясь окнами под простыми хлопковыми занавесками, висели три овальных и равных размерами портрета его кисти. Почему Прасковья захотела дать их на самое видное место, он не знал точно: ум подсказывал, что так сделалось оттого, что все изображенные лица — люди театра, милые для нее люди, но сердцу и гордости хотелось, что развеска образовалась именно так потому, что это была его работа.

В первом овале он изобразил крестьянина из графского села Иваново — искусника ткача, сплетавшего на простом домашнем станке гобе-

См. стр. 25.

Н. Аргунов. 1771 — после 1829. ПОРТРЕТ МАЛЬЧИКА СЕМЬИ ШЕРЕМЕТЕВЫХ. 1803.

Горьковский художественный музей

Н. Аргунов. ПОРТРЕТ КРЕСТЬЯНИНА СО СТАКАНОМ В РУКЕ. 1789.

Музей керамики и «Усадьба Кусково XVIII века»

Поэма возмездия

И не уйдешь ты от суда мирского...

А. С. Пушкин

От жизни я не требую чудес,
Но я хочу,
Чтобы
Векам
Хватило
Озонного дыхания небес,
Как на Земле во все столетья было.
Не требую я почестей и благ,
Но говорю
От имени
Потомков,
Чтоб мы не шли
По самой хрупкой кромке
С предощущением гибели в сердцах.
Поэта мозг недаром воспален.
А у кого не воспален
он
ныне,
Когда грозят
Мир превратить в пустыню
Те господа,
Кто властью наделен?
Кому нужна кровавая заря
Небытия?..
Не потому ль — до неба! —
Колышутся великие моря
Неодолимого людского гнева.
И мир торчит на ощупь путь во тьме,
Оцепенение сбросив и усталость...
Не потому ль
Все так перемешалось
В умах людей, как и в моем уме?..

1

Я слышу гром...
Но это не гроза,
А всех людей, что на планете жили,
В одном порыве яростном сложились
Восставшие
живые
голоса!
Несокрушим
сердец
людских
набат —
Стучит сквозь время,
Из Земли, оттуда...
Так пусть свершится
На мгновенье чудо —
Пусть их
слова о мире воскресят.
Я воскрешаю всех ушедших — их
И заклинаю
именем
живущих
И именем вослед живым идущих —
Всех поднимаю в стройный ряд живых!
Вставайте все: кого скосил свинец,
Кто закрывал глазницы дотов телом,
И тот, не прогнувшись перед расстрелом...
Тебя зову...
Приди и ты, отец!
И вот уже безумью вопреки
Там, где когда-то пели и смеялись,
Зажглись глаза
Одним огнем,
И скались,

В один кулак огромный кулаки.
И как восставший силы их итог —
Живым и мертвым здесь не разминуться! —
Дорога

вздыбилась
у ног
безумцев,
Твердь поползла, колеблясь,
Из-под ног.
И, гнева человечьего полна,
Как до сего ни разу не бывало,
Их отsekala
от людей
волна,
От будущего — напрочь! — отsekala.
Она вздымала
свой Девятый вал

Пред ними,
Кто Земле готовил бездну...
И каждого (пред тем, как им исчезнуть!)
Я навсегда в лицо запоминал.
На лицах их — особая печать.
И ханжество прикрыла тень закона...
Я не хочу имен их называть:
Они известны миру поименно...

2

Он распластался, оглушая громом
Окрестности,
над базой Гринэм-Коммон.
Он был похож — до боли нестерпимой! —
На тот, что зависал над Хиросимой.
Он нес «гостище» из заморской дали:
Крылатую — для всей Европы — смерть...
И на колючку женщины бросали
Свои тела,
протеста крик: «Не сметь!..»
И проволоки, мертвенно-слепы,
Вонзились

руки женские

шипы.

А самолет, авивая в землю гром,
Их судьбы перечеркивал крылом.
И тут одна, что старше всех была,
В глазах с нечеловеческой печалью,
На ход событий повлиять отчаясь,
Руками

проводоку

порвала...

Пошла в проем.
И хлынули за неё
Сподвижницы —
Хранительницы мира.
Но выросла солдатского мундира
Косая тень —
Средь тысячи теней.

Неужто были им права даны

Стрелять в своих —

И в маму

И в невесту?!

И вскинут автомат.

И — крик:

— Ни с места! —

Всё — как тогда,

Во дни былой войны.

И женщины попятились назад...

Но первая, что обжигала взглядом

(Его не вынес — сгорбился солдат),

Одна стояла перед автоматом.

И, взглядом обвиняя и казня,

Уже к солдату

Подойдя вплотную:

— Раз волю исполняешь ты чужую,

Стреляй, сынок...
Расстреливай меня! —
И руки на мундир его легли.
И ослепило голосом, как светом:
— Я мать твоя.
И я Судьба Земли.
В меня, мой сын, нацелены ракеты.
Не говори, что ты не виноват,
Я это не единожды слыхала,
Когда над миром пламя полыхало...
Но и других я видела солдат.
Они стояли супротив свинца,
Они врастали
В мерзлые окопы...
Они спасли от варваров Европу.
Там был отец твой.
Ты забыл отца...

3

Шагал Солдат.
Был шаг его тяжел
(Какой огонь в глазах его пылает).
Он всю Европу, может быть, прошел,
А может быть, весь шар земной.
Кто знает...
Одно лишь непременно знаю я:
Чтобы земное сердце не остыло,
Его Земля
Из Вечного огня,
Что у Кремля,
Навечно воскресила.
С рассветом он шагает из Москвы
И до заката —
Разве это странно?
Прошел через моря и океаны,
От синевы прошел до синевы.
Он видит все:
Движение морей,
И всплески звезд,
И спутников свеченье,
И рек людских бескрайнее движенье,
Что всех цунами яростных сильней.
Да, он везде...
Он всюду успевал.
И, в правоте великой убежденный,
Не он ли на планете возглавлял
Борцов за мир идущие колонны?
Он им, бессмертный, был необходим.
И демонстранты это понимали,
И по Земле идущие за ним
В нем
Кто отца,
Кто сына
Узнавали.
И в этой многоликости своей
Он был един и дух будил мятежный,
Был страждущею совестью людей,
Их будущим,
Их верой
И надеждой.
И было все, как в дни войны,
При нем,
Как должно быть
У старого Солдата:
Звезда сияла жертвенным огнем.
И скатка перехвачена ремнем.
И — вещмешок.
Все, кроме автомата.
Его оружье — этот мирный строй.
И это он, не знающий запаса,
Шел с миром той же самою Землей,
Которую ценю жизнью спас он.

И люди, окружавшие его,
Когда он снова уходил в дорогу,
Не пряча любопытства своего,
Старались скатку бережно потрогать,
Где крови почерневшие следы
Живою кровью
Снова проступали...
И неотступно
На лучи звезды
Глаза людские взгляды обращали.
И в этот миг не знавшим горьких слез
Мальчишкам и девочонкам показалось,
Что над Землею
Пламя подымалось,
Огромное, велико — до звезд.
И в пламени метался ореол...
И исчезал Солдат в высоком свете...
И только шаг его,
Что был тяжел,
Все громче раздавался по планете.
Он советы людской тревожил слух,
Он проникал
Под всех строений крыши...
И только тот,
Кто от роженья глух
К беде людской,
Шагов его не слышал.
Какую тяжесть взял на плечи он,
На нас — живых — за это не в обиде!..
И только тот,
Кто зрения лишен,—
Кто слеп душой,
Лица его не видел.
Но видел я.
Я стал поводырем
И потому свидетельствую честно,
Что встретились они
К лицу лицом —
Судьба Земли
С Солдатом Неизвестным.
...Метала гром над Англией Беда.
И взоры женщин гневом наливались.
Он к заграждению
Подошел тогда,
В тот час,
Когда чудовища снижались.
Он лица демонстрантов изучал
Во взгляде с нарастающей тревогой...
И вдруг
Ее,
Скорбящую, узнал,—
Ведь не узнать
Той женщины не мог он.
От глаз ее не отводил лица
И каждую морщинку трогал взглядом...
Он за нее сражался до конца
И снова встал в час испытанья —
Рядом.
И он сказал с надеждой и тоской:
— Напоминать об этом нелегко мне:
Мы встретились впервые под Москвой.
Стоял ноябрь...
Ты помнишь?
— Как не помнить!... —
Она седой
Кивнула головой
По-матерински,
Нежно,
Благодарно.
И молвила:
— В окопах Сталинграда
Вторая встреча нас свела с тобой.—
И застилали слезы
Ясность глаз,
И заплакалась боль в глазах огромных:
— Когда в последний раз
Меня ты спас?
— Прости, — сказал, —
Я этого не помню.
Не потому, что было так давно
За жизнь твою
Последнее сраженье,
А потому, что помнить не дано
Нам на Земле последнего мгновенья... —
Она смотрела скорбно, не вина
Солдата с неизвестною судьбою.
— Откуда ты?
— Из Вечного огня...
— Куда идешь?
— На суд...
— И я с тобою.

И видели — не видеть не могли! —
Все те,
Кто вышел мир спасать от бездны,
Как в окруженье демонстрантов тесном

Судьба Земли
С Солдатом Неизвестным,
На Суд народов по Европе шли...
Как много их — им не было числа!
Они тревожной закрывались далью...
Их вся Европа над собой несла
И двигалась дорогой к Бухенвальду.

4

Ты видела тирана и раба,
Ты выстояла в битвах
трудных самых,
Судьба Земли,
Ты — каждого судьбы,
Ты — женщина,
Ты — Родина,
Ты — мама:

Нам всем знаком с рожденья
Голос твой:
Он в песне матери над колыбелью,
Он нам звучит рассветною свирелью
Сквозных ветров, летящих над тобой.
Ты высока,
Как небо,
Как звезда,
Всему живому ты необходима.
Твои неисчислимые года
Историей зовут необратимой.

Могуч твой бег
В Галактике седой.
И достижения твои нетленны...
Земля моя, огромный возраст твой
Соизмеряем с возрастом Вселенной.

И может, в расширении своем
Рождая голос — научиться б слушать! —
Она кричит из бездны об одном,
Что ты вдохнешь

в нее
живую
душу.

И может быть, одной тебе даны
Душа и разум
В человечьем образе...
Да как же мы

тебя
беречь
должны,

Стоящую одной ногой над пропастю!..

Судьба Земли,
Я ел твой горький хлеб —
Все удивляюсь:
Как сумел я выжить?
И мне из памяти
Тех страшных лет
Любым железом
Никогда не выжечь.

Я голодал, питаюсь лебедой,
Мне холод нищеты тиранил душу...
Но не сравниться той беде
С Бедой,
Какую на тебя хотят обрушить.
Не миллионы губленных сердец
Не защищенной от огня
Планеты,
А общечеловеческий конец —
И твой конец —
Цена
Большой
Беде той.

5

О истинные Граждане Земли,
Понявшие свое предназначенье,
Что к Бухенвальду,
Как река,
Текли —
К Беде людской,
Которой нет забвенья!
Застывший на века мемориал.
Сожженные — в расцвете жизни — судьбы..
Казалось:
Каждый узник ожидал,
Мерещилось:
Опять дымились трубы.
Опять,
Опять
Среди слепых ночей
(А Веймар спал, сражен трудом устало)
Дыханием убийственным печей

Десятки тысяч

пламя
обжигало.

И пепел, что над городом летал —
Ведь на поток поставлена «работа», —
Позором униженъя покрывал

Музей

Листа,

Шиллера

И Гёте.

Послушай, сердце, громко не стучи.

Здесь с Тельманом фашисты

рассчитались, —

Стреляли в спину,

Ибо палачи

И перед смертью

глаз
его
боялись!..

Не будет Жизни никогда конца...

Послушай, сердце,

Как сказать словами?

Здесь тельмановцы

Моего отца

Спасли от смерти и погибли сами.

...Земляне шли — им не было числа! —

А впереди, колония возглавляя,

Шла женщина, печальная, седая,

И шаг огромный над собой несла.

Над ним мерцали звезды, высоки.

И в свете их магически мерцали

Его покатые материки —

Их воды океанов омывали...

И просветлел у всех — в мгновенье — разум.

Но показалось каждому в тот миг,

Что вырвался вдруг пламени язык

Из всех ракет... —

Одновременно.

Сразу...

Они сливались в океан —

В пожар! —

Бежать и укрываться бесполезно... —

И, закачавшись,

Раскололся

Шар

И на глазах у всех

Исчез бесследно.

И в абсолютной тишине,

Какой

За все столетия Земля не знала:

— Запоминайте, —

Женщина сказала, —

Что могут

сделать

с вами

и со мной!..

И вышел из толпы Солдат вперед

И, по дороге

Памяти

ступая,

Вдруг обернулся, громко возглашая:

— Дорогу правосудью!

Суд идет!

6

Не отвести от Памяти лица,
Все пристальное всматриваюсь в Память
И вижу в ней — и сердцем и глазами —
Черты живые мертвого отца.
От Времени лица не отвести,
Гляжу в глаза его —

И сердце стынет:

Пожарище бесконечные пустыни,

Скорбь матерей

На всем его пути.

И вижу я, рассудок сохраняя

(Еще «победой» этою кичатся),

Те два столба —

Из пепла и огня, —

Что Млечный Путь разрезали на части.

В них слезы всех,

кто был убит,

текут,

В них стонут незадушенные крики,

В них сотен тысяч

Влажные лица

В лицо небес

к возмездию зовут!

Пройдут века...

Настанут времена —

Исчезнут беды, но неотвратимо

Потомки, чья возвышенна судьба,

При слове неизвестном им —

«ВОЙНА»

Увидят Нагасаки с Хиросимой —
Две гибели,
Два ядерных гриба.
Они в ответ не скажут ничего —
Что можно
на подобное
ответить?

Но перед ними встанут в новом свете
Все заблужденья века моего.
Им будет невозможно пренебречь
Той истиной, что, обнажая смелость
Перед Бедой,
И мужество, и зрелость,
Мы отвели от них Дамоклов меч —
Над ними, нерожденными, висел он.
Как робок свет перед засильем тьмы,
Как много на пути к согласью нечисти!
Я думаю:
Да кто же, как не мы,
От гибели избавит человечество?
Мы — это русский, немец и еврей,
Поляк, американец, англичанин...
Мы — крики возмущенных площадей,
Решимостью
Сменявшие отчаянье.
Мы —
Вера,
Мы —
Надежда,
Мы — гроза
Для атомных и всех иных маньяков.
Мы знаем о коварстве их, однако
Мы не расслабим волю
Чувством страха,
И не ослепнут зоркие глаза.
Безумье?
Катастрофа?
— Никогда!
Нет справедливей нашего Суда!
И в этот приговора гневный час
Пусть поклянутся
Близкими своими:
— Да снизойдет людей Земли на нас
Проклятие,
Коль меч на них поднимем!..—
И после слов, звучащих как набат,
Раздался взрыв людского одобренья:
— Нет справедливей нашего решенья!—
И к судьям

по рядам
прошел
Солдат.

И было все, как в дни войны,
При нем,
Как должно быть
У старого Солдата:
Звезда горела жертвенным огнем.
И скатка перехвачена ремнем.
И — вещмешок.
Все, кроме автомата.
И подошел он к женщине седой,
Что миг назад
Решенье зачитала,
И вдруг к ногам ее припал устало
Такою же седою головой.
Их видели двоих со всех сторон
И слышали у вечного покоя,
Как их сердца стучали в унисон —
Солдатское
И древнее
Земное.
И вздрогнул в тишине мемориал.
И тысячи
В земном аду сожженных:
«Не быть войне!..»—
Из прошлого — со стоном,
И каждый эту клятву услыхал.

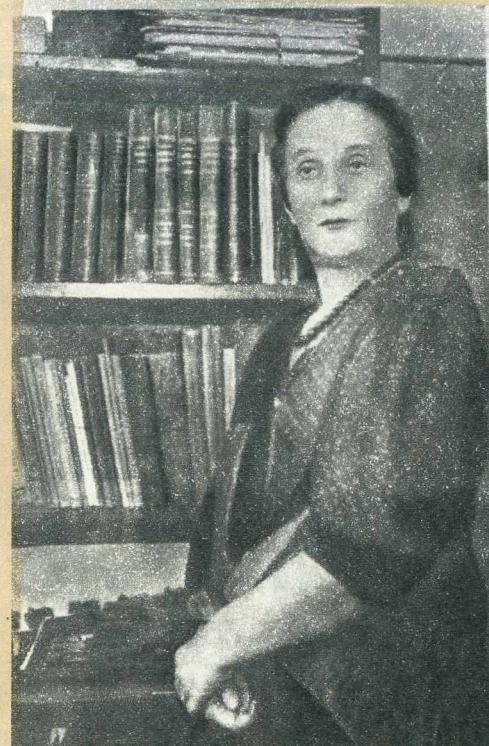
* * *

Читатели, товарищи мои,
Мы — космонавты,
Ибо мы — земляне,
Летящие в безбрежном океане...
Какие ждут нас новые бои?
К тебе, читатель, все мои слова,
На будущее — гордые надежды,
Срываю с безумцев лживые одежды,
На право жить
Отставай права
И подымай — безумью вопреки —
Свою решимость до конца бороться.
И, может,
от одной
твоей руки
Зависит все, что будущим зовется...

страницы минувшего

Вспоминая Ахматову

А. А. Ахматова.
Ленинград. 1945.
Фото И. Наппельбаум.
[Публикуется впервые.]

Вокруг бескрайние поля
Тюльпанами залиты.

* * *

Теперь я всех благодарю.
Рахмат и хайер говорю
И вам машу платком.
Рахмат, Айбек, рахмат, Чусты,
Рахмат, Ташкент! — прости, прости,
Мой тихий древний дом.
Рахмат и звездам, и цветам,
И маленьким баранчикам
У чернокосых матерей
На молодых руках...
Я восемьсот волшебных дней
Под синей чашею твоей,
Лапислазурной чашей,
Тобой дышала, жгучий сад...

Ахматова

28 сентября 1945
Ленинград.

Интересно, что она сделала надпись «Ин. Басалаеву на память о нашем Ташкенте», приобщая себя к жителям этого города.

Я предложила Анне Андреевне сфотографироваться. Она встала у книжной полки, и я сняла ее стареньkim аппаратом «Кодак». Ахматова на этом снимке очень спокойная, душевная, вдохновенная. Уже не обостренно-худая, как была в юности, но еще и не располневшая, как стала позднее. Она в темном платье, на ней накинута ее традиционная, спущившаяся с плеча шаль.

О чем говорилось еще в тот день? Ахматову волновала тема пушкинского Петербурга. Она постоянно искала подтверждения своей мысли, что имя Пушкина наложило свою печать на все его общество, на всю эпоху. Самые знательные имена вельмож того времени стали известны благодаря близости к Пушкину. И даже венценосный правитель жил в пушкинскую эпоху, а не наоборот.

Небольшая, немногословная, но очень емкая работа Ахматовой «Слово о Пушкине» вместила в себя высокую, яркую и революционную мысль об истинной победе поэта над обществом и временем.

Публикация Ахматовой появилась в журнале «Звезда» лишь в 1962 году, но уже тогда, в сороковые годы, была темой ее размышлений.

Ида НАППЕЛЬБАУМ

Ленинград.

ОТРИВОК (черн.)

Ин. Басалаеву на память о нашем Ташкенте.

Не знала б, как цветет айва,
Не знала б, как звучат слова
На вашем языке,
Как в город с гор ползет туман
И что проходит караван
Чрез пыльный Бешагач,
Как луч, как ветер, как поток.

* * *

И город древен, как земля,
Из чистой глины сбитый.

Один из самых активных участников собрания, цеховой энергетик Виктор Поляков. «Разрешите с места!».

Страсти разгорелись еще до собрания.

ПАРТИЙНОЕ СОБРАНИЕ

Фоторепортаж Эдуарда ЭТТИНГЕРА из цеха Воронежского производственного объединения по производству экскаваторов имени Коминтерна

На этом собрании были и острый доклад, и обстоятельные прения, что в отчетах обычно называют деловыми, и добрые слова в адрес передовиков, и нелицеприятная критика, и реплики с мест, встречаемые или шумным одобрением или дружным смехом. Дотошный протоколист, возможно, и отметил бы некоторые недостатки в проведении собрания со стороны формального протокола: в нем не было устоявшейся бесстрастной размеренности, когда наперед известно, кто, за кем и что скажет, порой участники собрания перебивали ораторов едким замечанием или возгласом...

Но здесь не было, по счастью, пресной видимости обсуждения. Поэтому что коммунисты, все рабочие 5-го механического цеха Воронежского производственного объединения по выпуску экскаваторов имени Коминтерна вели на открытом партийном собрании принципиальный разговор о повышении качества продукции, советовались, как улучшить организацию труда. Да нет, дела здесь идут хорошо. У завода доброе всесоюзное имя. Но интересы народного хозяйства требуют: надо идти вперед, создавать технику еще более совершенную. И воронежцы стремятся свой трудовой вклад в пятилетку сделать еще более весомым.

Прения начались. «Прошу слова!»

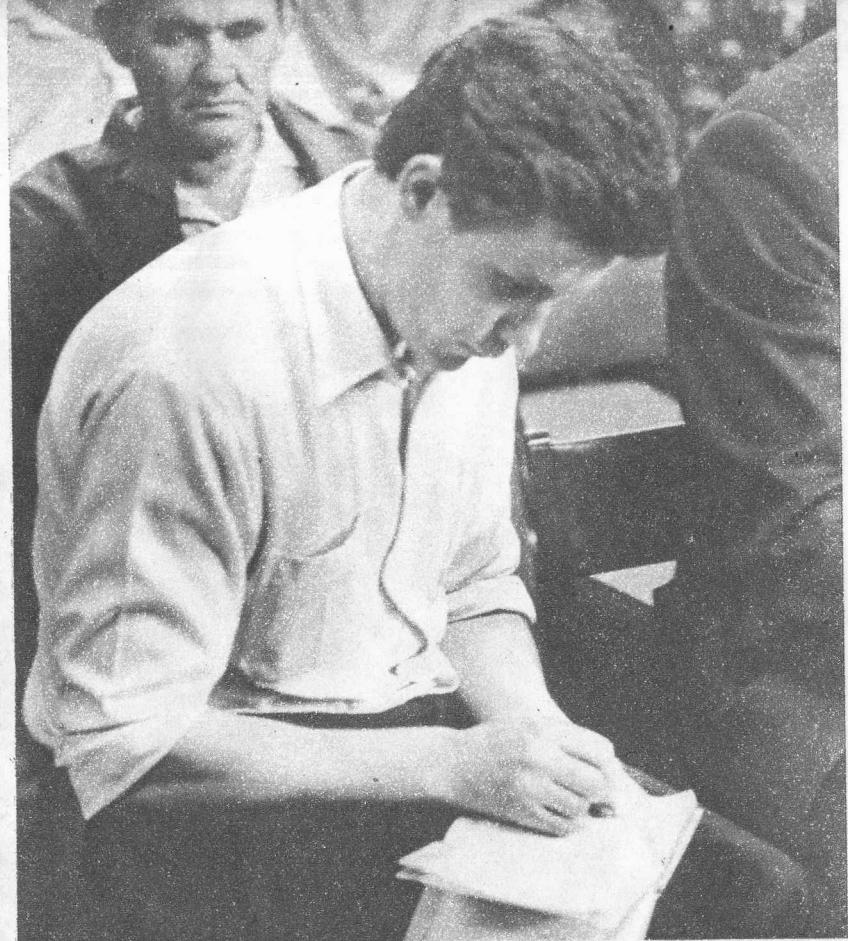

«Качество будет, но должна быть твердая гарантия, что не подведет смежник», — говорит секретарь цехового партбюро, газоэлектросварщик Александр Иванович Дикарев.

«Главная беда в нашей работе — непредвиденные простои», — мнение рабочей цеха Любови Гавриловой.

На собрание приглашен заместитель секретаря парткома завода В. В. Шанин.

Критика справедливая... Стоит задуматься.

Когда идет заинтересованный деловой разговор...

«Собрание прошло. Как выполняются решения!» — В цех пришел секретарь парткома завода А. А. Картушин [крайний слева].

В

время молодости — время зрелости

ВДНХ СССР — 25 лет

* ВДНХ-84 — это 100 000 экспонатов * В 80 павильонах последовательно достигли науки, техники, культуры, искусства * 11 миллионов посетителей ежегодно * 40 000 раз украшают территорию выставки * Сегодня почти половину этой территории занимают зеленые насаждения * Круглый год выставка — место встреч, праздников, народных гуляний.

Отмечая первую «круглую» дату выставки, боясь во внимание ее еще совсем молодой возраст, нельзя забывать, что возникла она не на пустом месте, а стала продолжательницей советского выставочного дела. Вспомним трудный для молодой Советской власти 1923 год. Тогда в Москве по инициативе В. И. Ленина открылась Первая всесоюзная сельскохозяйственная и кустарно-промышленная выставка. Значение ей в ту пору придавалось огромное...

С обсуждения этого факта и началась, собственно, наша беседа с директором Выставки достижений народного хозяйства СССР В. А. САЮШЕВЫМ.

— Мы поднимали архивы, интересовались, что экспонировалось на первой советской выставке, — рассказывает Вадим Аркадьевич. — Демонстрировались на первый взгляд вещи традиционные: элитные сорта пшеницы и ржи, продуктивные породы скота, тракторы, молотилки, жнецы, соломорезки. Но вот что хочу выделить главное — на той выставке был широко показан опыт работы сельскохозяйственных коммун и артелей. Преследовалась очень важная цель — убедить крестьянину в пользе и необходимости колективного владения землей. Шла живая, доходчивая пропаганда ленинского кооперативного плана. Выражаясь современным языком, выставка учила работать творчески, эффективно.

— И эти принципы, Вадим Аркадьевич, легли в основу советского выставочного дела? Другими словами, выставка в нашей стране — прежде всего мощное средство для внедрения в практику всего лучшего и прогрессивного?

— Именно так. Не случайно ВДНХ часто называют «академией передового опыта», «школой миллионов», «страной в миниатюре». Судите сами, только в этом году в ее павильонах — триста тематических и передвижных выставок, смотров, экспозиций. Все они, как правило, раскрывают важнейшие народнохозяйственные проблемы. Какие, например? Внедрение комплексной механизации и автоматизации в производство, развитие совершенных форм управления, работа агропромышленного комплекса, широкое использование электронной техники...

— Недавно я был на ВДНХ на мальцевских чтениях. Терентий Семенович Мальцев рассказывал, в частности, как рождалась и пробивала дорогу в широкую практику система безотвальной обработки почвы. Шел предельно искренний, глубокий разговор о месте человека на земле, о святых обязанностях каждого приумножать красоту и богатства Отчизны. Мудрое, убежденное слово способно заинтриговать на добрые дела многих людей... Мне вспомнилось об этом после ваших слов, что выставка соединила в себе основные достижения науки, техники, культуры. Возникает вопрос, как донести, а точнее сказать, внедрить передовой опыт в практику? Что делается для этого на ВДНХ?

— Вы уже сами наполовину ответили на свой вопрос. У нас нередки подобные встречи с крупными учеными, специалистами, практиками. Часто наши гости собираются за «круглым столом». Деловой заинтересованный разговор о проблемах РАПО, борьбы с коррозией металла переносится затем на полосы газет, на радио и телевидение. Я считаю, что это очень полезная и действенная форма пропаганды и распространения передового опыта. Всего, должен заметить, только в нынешнем году на ВДНХ будет организовано более пяти тысяч самых разных учебных мероприятий.

— А какова практическая отдача учебно-пропагандистской работы?

— В 1983 году, например, по данным министерств и ведомств СССР, Советов Министров союзных республик, от внедрения передовых методов труда, перенятых на выставке, экономический эффект составил более семисот миллионов рублей. Сумма!.. Не побоюсь сказать, огромную пользу приносят изобретения и рационализаторские предложения, представленные на ВДНХ.

— Прежде чем договориться с вами об интервью, Вадим Аркадьевич, мы решили поближе познакомиться с работой выставки. Занятие, признаюсь, выбрали себе хлопотное: три дня нам понадобилось, чтобы обойти основные павильоны выставочного городка... И вот что бросилось в глаза во время нашего путешествия: одни павильоны были закрыты — в них шла смена экспозиций, в других, что называется, на ходу меняли стенды, макеты, оборудование... Возникало ощущение, что ВДНХ переживает период активного обновления. Насколько верны наши впечатления?

— Со стороны, говорят, виднее. Но ведь надо прямо сказать: выставочное дело, как и всякое другое, не может стоять на месте. В своей работе сейчас мы ставим задачу добиться того, чтобы выставка не только шла в ногу с научно-техническим прогрессом, а, я бы сказал, даже чуть опережала его. На что мы сейчас нацеливаемся как на первоочередную задачу? Прежде всего на открытие таких выставок, где демонстрировались бы самые последние достижения техники, лучшие научные разработки, открытия, высокоеэффективные изобре-

тения. Вот, например, начала работать межотраслевая выставка «Промышленные работы и роботизированные технологические комплексы». В нашей стране роботостроению уделяется сейчас огромное внимание. На нашей выставке вы можете познакомиться с последними достижениями в этой области. Увидите в действии новейшие образцы промышленных роботов, автоматизированных технологических комплексов с манипуляторами, построенных с применением микропроцессорной техники.

— Кстати, о микропроцессорах... Мы были на вашей очень интересной выставке «Применение микропроцессорных средств в народном хозяйстве». А давно она открылась на ВДНХ?

— Несколько месяцев назад. Это тоже новинка. Рассказывается на ней, как вы помните, о тех огромных возможностях, которые открывает применение достижений самого передового направления технической мысли в производстве и быту. Сейчас микропроцессоры стали буквально незаменимыми в производстве, науке, строительстве, связи, медицине, на транспорте.

Я рассказал только о двух выставках, уже сегодня работающих на современное производство. Хочу снова подчеркнуть: мы стремимся максимально приблизить выставочное дело к узловым проблемам ведущих отраслей народного хозяйства. Картина, показывающая, что выполнение Программы развития народного хозяйства стала делом всенародным, думаю, достойно отразит выставка «Развитие агропромышленного комплекса в союзных республиках». Она откроется в ноябре.

— Рассуждая о сегодняшних изменениях на выставке, что можно сказать о дне завтрашнем ВДНХ?

— Одно могу сказать сразу — изменения в нашей работе грядут большие. Прежде всего думаем кардинально обновить экспозицию выставки.

На мой взгляд, добрым стимулом показа на ВДНХ лучших

образцов техники станет новый «Порядок аттестации промышленной продукции по двум категориям качества». Ведь в нем установлено, что продукция, намечаемая к аттестации по высшей категории качества, подлежит обязательной демонстрации на ВДНХ.

Правда, новый порядок аттестации касается только промышленной продукции. Но в будущем, мы уверены, такие же требования будут предъявляться и к экспонатам сельского хозяйства, науки, здравоохранения, товаров народного потребления.

Новое нельзя показывать старыми методами. Поэтому предстоит сделать экспозицию выставки еще более яркой, образной, доходчивой, дифференцированной по группам посетителей. Особое внимание обращается на динамику показа: все экспонаты должны быть действующими, работающими. Намечается оснастить павильоны телевизионными установками, проекторами, полиграфическими, видеомагнитофонами... Все на выставке должно отвечать последним требованиям научно-технического прогресса.

Изменится, видимо, и внешний вид выставки?

— Безусловно. Прорабатывается Генеральный план развития и реконструкции ВДНХ СССР до 2000 года. Им предлагается предусмотреть строительство целого комплекса новых павильонов. Здания современной планировки, более совершенной архитектуры встанут скоро на нашей территории. Для более быстрого и комфортабельного перемещения посетителей намечается проложить движущиеся тротуары, скоростную монорельсовую дорогу, построить канатную дорогу. Мечтаем устроить ландшафтные экспозиции, где будут использованы новые виды декоративных деревьев, кустарников, цветов...

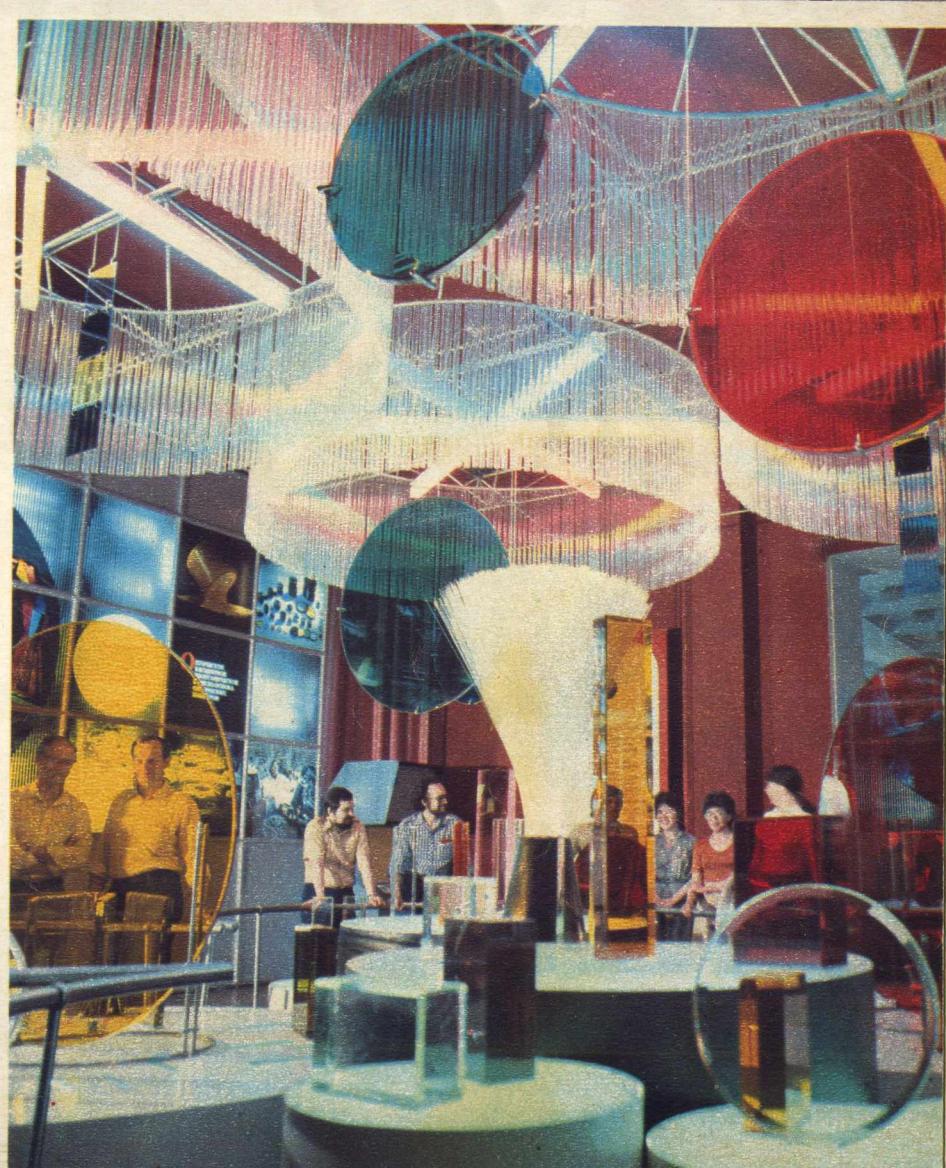
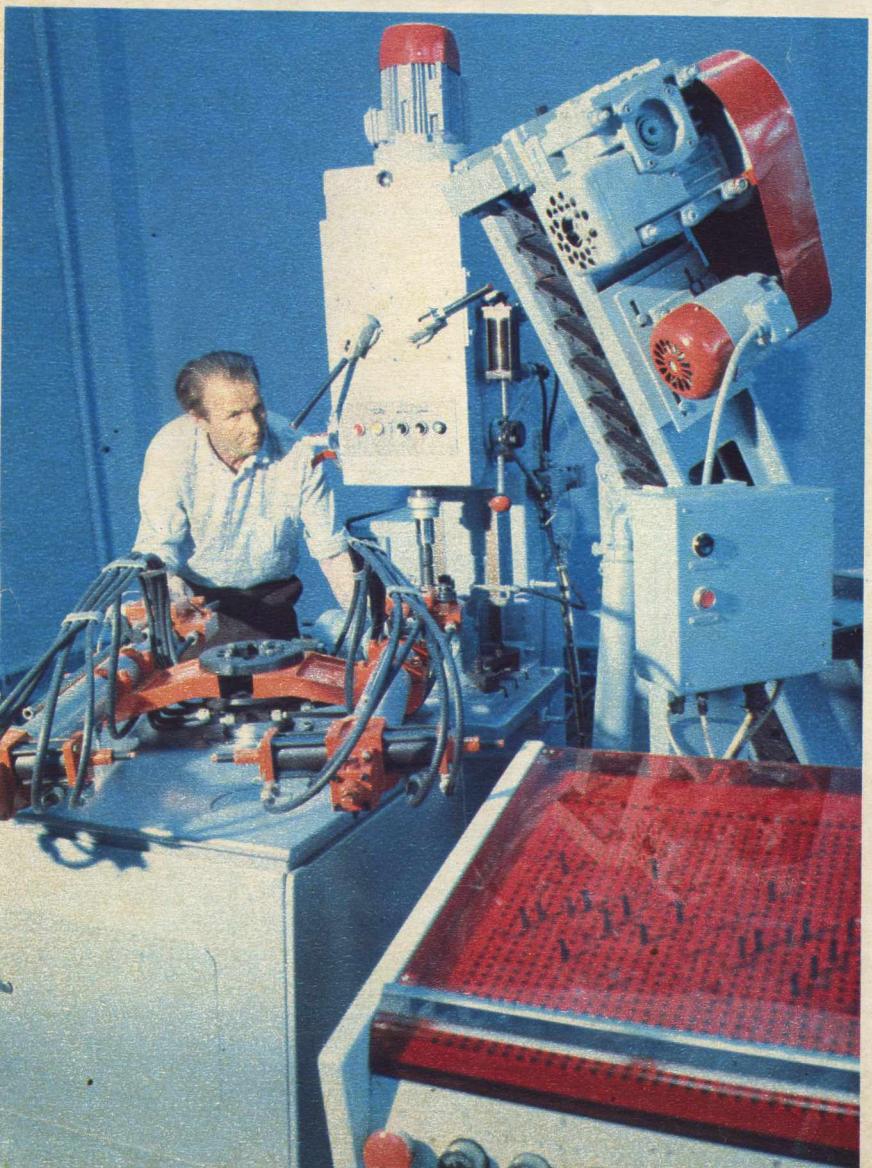
Словом, планы большие. Будем стараться, чтобы их выполнить.

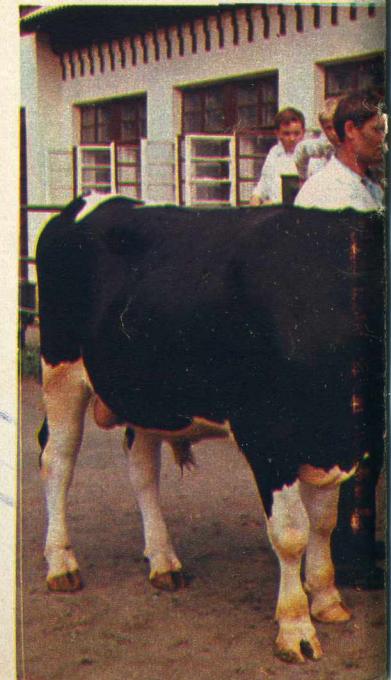
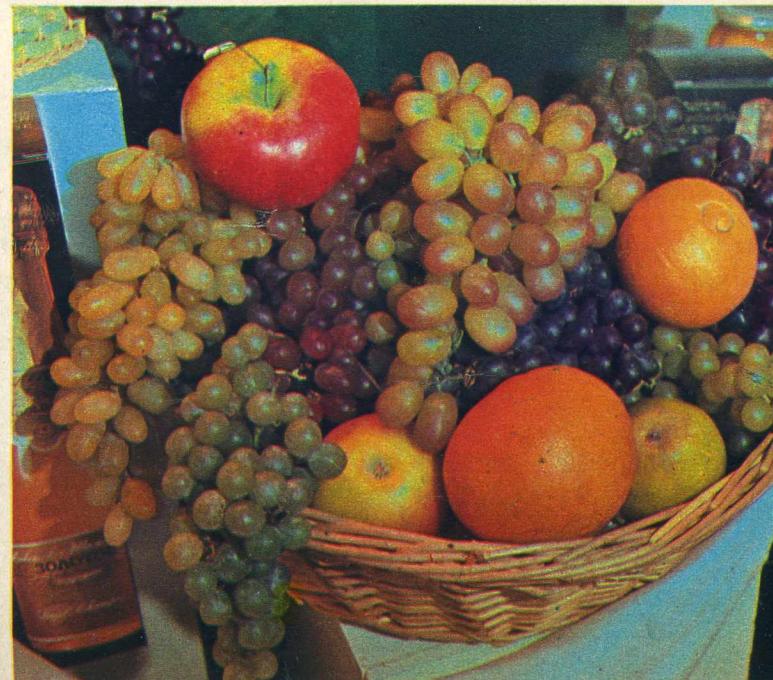
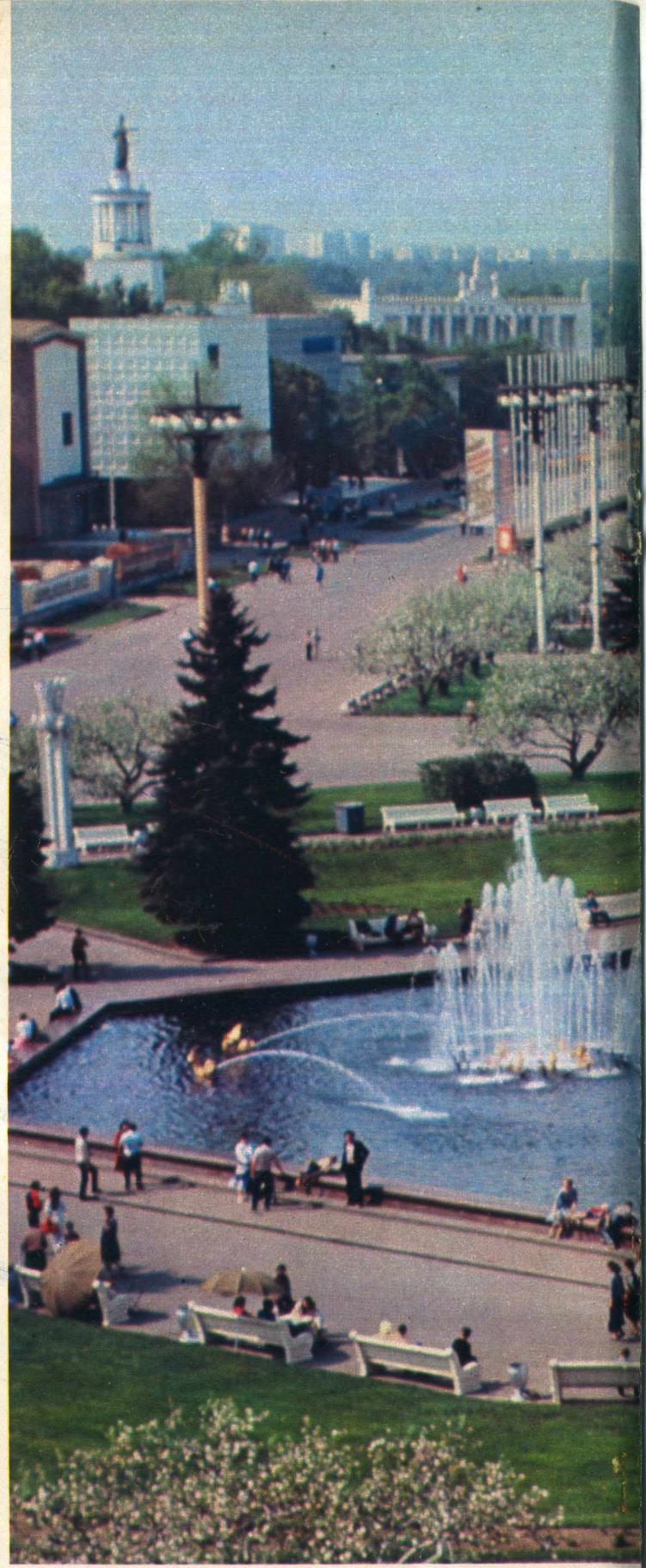
Вел беседу
А. ПОПОВ.

В павильоне «Космос» всегда многолюдно * Этот роботизированный технологический комплекс сделан на Павлодарском тракторном заводе * Экспозиция «Достижения оптико-механической промышленности».

НА РАЗВОРОТЕ В КЛАДКИ: Наталья Наумова — агроном павильона «Цветоводство и озеленение» * Прекрасна площадь «Дружбы народов» * Знакомство с новой сельскохозяйственной техникой * Дары солнечного юга * Демонстрируются высокопродуктивные породы животных * Изделия умелцев колхоза «Верный путь» Горьковской области * Катание на тройках.

Фото М. САВИНА

Выступал «Оркестр шестилеток». На сцене Погребищенского Дома культуры сидели детишки из старших групп садика. У ребят в руках — гусли, балалайки, со-пилки... Не все еще умели читать, но исполняли танцевальную музыку и народные песни стройно. К тому же каждая группа инструментов имела свою партию, — понятно, что в зале мамы, папы и другие родственники стояли от восторга. Вдруг объявление ведущей: вместе с оркестром шестилеток выступает Анатолий Кочерга! Тут уж описать эмоции в зале немыслимо: Кочергу, народного артиста СССР, не только знают все, но все любят. Причем знают и любят давно: ведь именно здесь, в этом Доме культуры, Анатолий выступал еще в пору, когда сам учился в школе... Но вот оркестр старательно играет вступление, кто-то из гусляров даже кончик языка прикусил от усердия, от старания... И уже заполнила зал суровая нежность бархатного баса:

В низенькой светелке
Огонек горит...

Так где же сам Кочерга?! Все взгляды нетерпеливо обшаривают зал... Но вдруг поняли, голос певца записан... Кое-что, конечно, был разочарован поначалу, а потом — восторг: какая же согласованность редчайшего, мощного голоса с детским оркестром! Ка-

в Погребище, машинистом парового котла на энергопоезде.

И вот в ту пору, когда вроде бы все для Толи уже решилось, мама Мария Карповна и учитель пения Иван Архипович, об разно говоря, не сложили оружия! Иван Архипович приглашал парня на все самодеятельные концерты. Если надо, шел к начальству, просил, чтобы в день концерта Анатолию поменяли вторую (вечернюю) рабочую смену на первую... А весной, когда Анатолий снова принял за подготовку в политехнический, мама уговорила Толю «попробовать» в музыкальном училище. Экзамены там шли раньше, чем в других вузах, да и ехать недалеко — в областной центр Винницу. Так что, если, мол, провалился, не поздно будет отослать документы в инженерный вуз... Анатолий выполнил просьбу матери. И не провалился, был принят.

А дальше уже само искусство, сами исключительные природные данные подталкивали парня. Он всего два курса окончил в музыкальном училище, когда его рекомендовали в консерваторию. И тут он одержал победу — поступил и стал заниматься в классе Риммы Разумовой. На третьем курсе участвовал в пятом Все союзном конкурсе вокалистов имени Глинки и занял первое место; а уже на четвертом курсе его зачислили в Киевскую оперу.

Легко и уверенно он входил в

О творческих планах, о мечтах на будущее обычно спрашивают тогда, когда обо всем уже переговорено. Прощаясь с Анатолием Ивановичем, я тоже спросил его об этом. Но именно тогда и начался у нас большой разговор.

Выяснилось: мечтает он о партии Бориса Годунова в родном театре. В старой постановке, которая снята с репертуара несколько лет назад, он все же успел выступить два раза; пел партию и за рубежом, последний раз с труппой Варшавской оперы во время ее гастролей в ФРГ. Об этом его выступлении «Трибуна люда» писала: «Уже давно мы не видели на сцене Варшавского Большого театра столь великолепного исполнения оперной партии, какое продемонстрировал А. Кочерга».

Лестно отзывались о выступлениях артиста за рубежом газеты Италии, Испании, Франции, Канады...

Наиболее ему удаются драматически насыщенные партии. Его любимые — Мефистофель, Досифей, царь Борис... Арию Сусанина «Ты взойдешь, моя заря» я слышал в концерте: без грима, оркестра, декораций, без поддержки партнеров, а значит, и без соответствующего настроения публики. Но прошло всего несколько мгновений — и зал почувствовал, что артист растворился в образе, слился с ним.

Мне кажется, что в работе над

ЧЕСТЬНОСТЬ СЖАТОГО СЛОВА

«Проза в стихах» Александра Межирова — не подведение итогов, и все же настроение раздумья о сделанном и пережитом окрашивает эту небольшую, но емкую поэтическую книгу, чуть горьковатую и суховатую, как пыль солдатских дорог.

«Когда же окончательно уйду, останется одно стихотворение», — убежден поэт. Какое же?.. В эпиграфе к строфам «Через тридцать лет» цитируется: «И не встать под огнем...» (1946). Да, мы вспоминаем, что когда «не встать под огнем у шестого кола», звучат слова, каких нет в военном уставе:

— Коммунисты, вперед!
Коммунисты, вперед!

Так в книгу вошло воспоминание поэта о собственном стихотворении «Коммунисты, вперед!», которое продолжает жить и действовать, потому что в нем сконцентрирован разряд страсти, вспыхивающей, когда встречаются эпоха и поэзия.

Образы великой народной войны постоянно всплывают в памяти поэта, да и вся она не уходит, стоит перед глазами, гудит из спины, живет в груди, бессонная, как совесть. «И кровли, опускаясь на стропила, бомбардировкой бредили опять». В далекой заграничной поездке вдруг подступает к сердцу родная земля:

А в России прореческий пыл,
Черный вечер и белые ночи.
Там среди безымянных могил
Путь к бессмертью длинней
и короче.

В России «задача на век, а не на дни», и под знаком высокого, безмерного взглядаются поэт в «коне телевизорной Европы», в будни «общества потребления» — «в окнах, запотевших от мороза, свет последней стадии склероза дармовой культуры мировой», что, конечно, означает не отрижение европейской культуры, а традиционное для русского и советского поэта неприятие мещанской пошлости, «прозы», самодовольной буржуазности. Трагически напряженным, замершим в ожидании предстает западное «благополучие» в межировской «Прозе в стихах».

И везде поэт мучительно не переносит крикливый модерн, всех, кто «долю вносит в оклоноискусство» и в «неподалекумесло», весь этот в желтой замше или в черной коже сюрреалистический синклит», «нейфующую неомодель», страдающую физически от встреч с этими «смысленными игрушками», порождениями мнимой цивилизованности, псевдокультуры на чужеземный образец. С годами поэту еще ненавистнее некий двойник — «мастер», что умел «сказать неправду лучше, чем другие».

Зато как дорого поэту истинное, неподглумированное, настоящее, простое — рабочие, влюбленные, люди спорта, люди честной игры, прямого риска. Та, что всю жизнь хранит поэта «над отверстой бедной». И «Анна, друг мой, маленькое чудо», внучка; поэт несет девочку на плечах «мимо ужасов земли», над нависшейгрозой всемирной опасностью, «постоянно в сердце ощущая счастье и вину». Это образ символичный: в нем и любовь, и горечь, и надежда.

«Проза в стихах» — одна из самых выношенных книг Александра Межирова. Поэт сторонится невыверенного, расхлябанного слова и готов во имя правды, в конце концов, даже на «прозу в стихах, в чуждых поэзии звуках», «прозу в стихах безголосых», опирающихся на «посохи» рифмы. Но в такой «прозе» есть честность сжатого слова, звучащая поэзией. И это «собственный звук, не заемный», поэтически подлинный и человеческий. В сущности, конечно, не прозаичный, а романтический.

С. ЛЕСНЕВСКИЙ

Александр Межиров. Проза в стихах. М., «Советский писатель», 96 с.

ГОЛОС

рампа

кая слитность!.. Придумать такое мог только Иван Архипович Корнейчук, школьный учитель пения, влюбленный в музыку, в своих воспитанников. Это он много лет назад стал учителем семилетника Толи Кочерги; сначала учил его играть на аккордеоне, а потом вдруг сделал радостное открытие: «Милый, да у тебя же голос!..»

Но в душе Анатолия соперничали тогда два начала.. Отец, Иван Кузьмич, был директором МТС, мог на расстоянии определить, чем «больна» та или иная машина. Анатолий неотступно просил отца, чтобы научил наконец водить автомобиль; и вот однажды Иван Кузьмич привез домой списанный двигатель, еще трофеинный, немецкий.. Сказал сыну: «Водить машину немудрено. Ты сначала пойми ее сердце. Вот если сам отремонтируешь этот движок, оживи его,— научи водить машину». Не одну неделю провозился мальчишка, по локти в грязи, пропахший бензином. Но движок починил и завел.

В ту пору отцовское начало вроде брало верх: Анатолий, окончив школу, уже имел права на вождение автомобиля, трактора, зернового комбайна... Хотел учиться на инженера, но не прошел по конкурсу в политехнический и стал работать тут же,

исполнительский состав театра имени Шевченко. Он князь Галицкий в «Князе Игоре», Гремин — в «Евгении Онегине», Базilio — в «Севильском цирюльнике», Мефистофель — в «Фаусте»... В 1977 году театр собрался на гастроли в Москву, а такие гастроли, естественно, считаются важнее, чем любое зарубежное турне. Анатолию предложили партию Досифея в «Хованщине». Этот спектакль в театре уже шел, а до поездки оставалось лишь сорок дней: как он ни прикидывал, а двадцать пять листов новой партии (даже если положить только два дня на лист) с трудом вписывались в срок.

Правда, репетировать он мог и в театре и дома, где был свой, надежный концертмейстер — жена Людмила Григорьевна Федорова. Они вместе кончили консерваторию. Вместе готовят концертные программы, ездят на гастроли... Она и помогла ему с Досифеем...

Есть счастливые люди. И не только в искусстве: для них поработать всласть — это испытать себя на высшем напряжении. И чем труднее задача, тем полнее они раскрываются.

Партия Досифея была освоена за восемнадцать дней. Артист успел ее спеть еще и на киевской сцене, до отъезда в Москву. Успех был полный.

глубокими, цельными образами певцу помогает собственная человеческая нравственная надежность. Всяческая суeta ему противоприродна. Высокий, где-то под метр девяносто, он неторопливо в свои тридцать семь лет. Там, где иной сказал бы десятки слов, он порой только глянет, но за этим внешним спокойствием чувствуется большая внутренняя сила.

Коммунисты театра избрали его секретарем парткома. А недавно ему оказали самое высокое доверие: Анатолий Кочерга стал депутатом Верховного Совета СССР. Возникают сотни больших и малых проблем, для разрешения которых необходимы доброжелательность, спокойствие, рассудительность...

Скупо, но весомо говорит Кочерга о проблемах театра:

— У себя в театре мы выходим на сцену считанные разы в год! В нашей опере блестящее созвездие исполнителей: Евгения Мирошниченко, Гизелла Ципола, Анатолий Соловьяненко, Анатолий Мокренко, Людмила Юрченко... Могу назвать еще много имен. Надо ставить спектакли специально для них. В расчете на них! А они заняты на сцене раз два в месяц... Нельзя забывать: это — наше национальное богатство.

Эти машины прошли осмотр и покидают ОКПП «Брест».

Б. СОПЕЛЬНИК

Фото автора

Стояло ясное, солнечное утро. Зеркально блестел только что полированный асфальт, в ветвях деревьев заливались дрозды, по лужайке, дурашливо виляя хвостом, носился черный крепенский щенок — словом, ничто не предвещало каких-то особых событий. А между тем уже шел отсчет времени, которое потом будет анализироваться по секундам. Уже заступил на дежурство прaporщик Ю. Я. Васильев, уже катил кциальному пункту «Брест» микроавтобус «мерседес», уже приводили в порядок свои нервы трое его пас-

сажиров — предельно собранных, уверенных в успехе и все же чегото побаивающихся «туристов», выполняющих необычайно дерзкий и грязный замысел хозяев. «Мерседес» ждали в Москве. Кто именно — ни водитель, ни пассажиры не знали: они должны были оставить машину в одном из переулков, сходить в театр, а потом снова сесть в «мерседес» и уехать в гостиницу. «Бесплатно прокатиться по Европе, побывать в Москве, два часа поглазеть на балерин — и ко всему этому солидный гонорар. Неплохая работенка! — размышлял

про себя сидевший за рулем американец Пауль Аллен Гонсалес. — Эти птенчики едва ли о чем догадываются, — покосился он в сторону Марлен и Раймера Дитце. — Молодожены! Им бы щебетать да путешествовать на даровщинку. Хотя не дети, должны понимать, что за красивые глаза оплачивать такую поездку никто не будет. А-а, не мое дело! Свою работу они выполняют — прикрытие обеспечивают. Все будет оправдано. Машина взята напрокат в ФРГ, визы получены в Австрии, экипаж международный, цель поездки — знакомство со страной,

«Это изъято всего за несколько дней!» — говорит А. С. Шаблий.

Один из лучших контролеров — прaporщик Ю. Я. Васильев.

а все остальное... Все остальное сделано на заводе, заклепочки, винтики, болтики на своих местах, — в который раз оглядел он салон, — так что зацепиться не за что.

Ровно в десять «мерседес» миновал Варшавский мост через Буг и подкатил к ОКПП. Щенок перестал дурачиться — хоть и маленькая, а все же пограничная собака. Прaporщик Васильев привычно оглядел себя в зеркало — форма без единой складочки, позвал помощника и вышел к автомобилю.

Гонсалес сглотнул слюну. «Вот

она, встреча с пограничниками. От первого впечатления зависит многое. Не будь напыщен, строг, задирист, — учили его. — Страйся казаться предупредительным, вежливым, понимающим нелегкий труд пограничника. Улыбайся, но не заискивающе, предложи закурить, поговори о погоде, о прекрасной стране, границу которой пересекаешь, в общем, будь простым, свойским американским парнем».

Американский парень достал бумажник с документами и через приоткрытую дверцу протянул высокому, подтянутому погранич-

нику с двумя звездочками на погонах. Пограничник их не принял!

— Что-нибудь не так? — выдал белозубую улыбку Гонсалес. — Я что-то забыл?

— Забыли. А может быть, не знали. Документы положено вручать, только выйдя из машины. Причем всем, — кивнул Васильев в сторону супругов Дитце.

Те охотно выскочили из «мерседеса». Давным-давно пора размаяться, а этот молчаливый американец все гнал и гнал — ему не терпелось поскорее пересечь границу. Гонсалес тоже вышел на асфальт, вручил бумажник, в котором, как бы нечаянно, вместе с документами лежала изрядная сумма денег. Но Васильев попросил достать паспорта и стал их внимательно изучать.

«Так, молодожены-западногерманцы и американец. Родственные отношения? Нет. Профессиональные интересы? Нет. Знание русского языка? Нет. Кто-то раньше бывал в Союзе и хорошо знаком с дорогой? Нет. Странно... Чего это молодожены берут с собой третьего? Он же для них лишний... Впрочем, был такой случай. Да-да, был в семьдесят восьмом. Стоп! Там совсем другое... Смотрим дальше. «Мерседес» взят напрокат в Западной Германии. Почему напрокат? Обычно супруги ездят на своих, личных. Да, но они молоды — всего по двадцать шесть лет. Американцу? Столько же. У молодоженов нет денег, а у него есть, вот американец и организовал поездку. Такое возможно? Вполне, если они близкие друзья, родственники или... А они друг другу никто. Видно же: и держатся как-то не вместе и объясняются странно — он едва по-немецки, они так же по-английски... Ладно, теперь фотографии. Оригиналу соответствуют, в сторону не свинуты, следов переклейки нет. Печать. Признаков травления незаметно. Визы получены в Австрии. Это уж совсем непонятно, хотя в принципе их дело. Во всяком случае, документы в порядке. Займемся машиной...»

Васильев уже много раз осматривал такие микроавтобусы и знал на них каждую заклепку, каждый винтик и болтик — такая у него служба. Сотни машин самых разных фирм и моделей проходят ежедневно через ОКПП, и все их контролер обязан знать как свои пять пальцев. Если появится новый болт, новый ящик или прибор, контролер тут же его заметит, ибо они не соответствуют заводской конструкции. О понятие и говорить нечего: как ни страйся, от заводской она отличается. Шесть лет назад, когда потомственный пограничник Юрий Васильев только что пришел служить на ОКПП, он заметил под рамой грузовика, тоже, кстати «мерседес», отлично сделанный железный ящик. Отлично, но на заводе, да и конструкцией не предусмотрен. Заглянул: ящик забит канистрами с горючим. Водитель с готовностью сказал, что ящик сделал сам, с горючим-де на трассе не всегда благополучно, вот и возит с собой. Но уж очень грязный был ящик, канистры закрыты неплотно, везде подтеки, а водитель прямо-таки светится, до того анкуратен. Васильев вытащил канистры, а за ними — три целлофановых пакета, в которых оказалось большое количество дефицитной ткани, несколько пар джинсов и японские магнитофоны.

Бывает и так, что контролер вступает в негласное соревнование с фирмами, выпускающими автомобили. Осенью семидесят восьмого, да еще поздно вечером, с нашей стороны подошел к ОКПП принадлежащий французскому владельцу залапанный грязью гру-

зовик «вольво». Первоначальный осмотр ничего не дал, но все же Васильев обратил внимание на какой-то короб под рамой. Пригляделся: никаких следов ручной работы. «Видимо, какое-то изменение в конструкции, — успокоенно подумал Васильев. Но то же заставил себя собраться. — Тем более я должен его изучить». Изучил. В этом коробе оказались антикварный самовар, старинные серебряные кресты, множество икон, в том числе представляющие художественную ценность, а также шкатулки соболя и норки.

Вот и теперь прaporщик Васильев вместе с представителем таможни прежде всего осмотрели микроавтобус с точки зрения изменений в конструкции. Вроде бы все в порядке: кабина двухместная, из нее вход в салон, есть в него вход и снаружи. Внутри два платяных шкафа, открытые полки для вещей, по бокам — два диванчика, ближе к кабине — газовая плита. Посередине — проход. Пол из толстой фанеры с наклеенным ворсом. Довольно удобно, можно сказать, гостиничный номер на колесах. Удобно для молодоженов, а вот американцу спать в кабине. Парень он рослый, кабина небольшая, так что спать придется калачиком. Нет, что ни говори, а такой микроавтобус рассчитан все-таки на двоих!

Хороший пол, мягкий, но почему ворсом только в проходе? Если бы его наклеивали на заводе, то удобнее было бы пустить заподлицо, до самых бортов: чтобы не цеплялся и меньше набивалось пыли. Впрочем, каждый владелец отделывает салон по-своему, каких только вариантов не встречалось.

Прaporщик вышел из салона и спросил у помощника, как у того дела. «Ничего подозрительного», — ответил он. Пассажиры и водитель — он же владелец, так как машина была оформлена на Гонсалеса, — вели себя довольно спокойно, только изредка поглядывали на часы, что, впрочем, естественно: не терпится в путь.

«А странный все-таки экипаж, — в который раз подумал Васильев. — Поставим-ка «мерседес» на осмотрную яму».

Когда Васильев сказал об этом Гонсалесу, тот нервно скомкал окорок.

— Зачем? Что вас смущает?

— Ничего особенного. Просто хочу внимательнее ознакомиться с вашим вариантом отделки салона.

— Пожалуйста. Но моих рук тут нет. Все сделано на фирме.

— И пол?

— И пол. А что? Пол как пол.

— А почему ворсом только посередине?

— Понятия не имею. Видимо, в целях экономии. Немцы ведь народ экономный, — по-свойски улыбнулся Гонсалес.

— Но раз фанера и ворсом только посередине, значит, все это должно сниматься?

— Чего не знаю, того не знаю.

Васильев посоветовался с представителем таможни и решил:

— Попробуем снять.

— Прошу этого не делать, — повысил голос Гонсалес. — Машина не моя, все сделано на фирме. Трогать ничего нельзя! Вы испортите пол, а мне платить!

— Не беспокойтесь, все приведем в порядок.

Даже в полутемном салоне было видно, как Гонсалес побледнел.

Изрядно повозившись, Васильев

Фото И. Бондаря

все же зацепил краешек фанеры, а когда снял, глазам не поверил: под фанерой были проложены узенькие рельсы, ведущие к пластиным шкафам. Присмотревшись, Васильев понял, почему так трудно было снять пол: между рельсами установлены специальные зажимы, а к ним шли тяги от электрогидравлического блока, размещенного под газовой плиной. Поворот рычажка, зажимы отходят в сторону, и пол легко отходит в сторону, и пол легко снимается.

Так, а что же в шкафах? Снаружи личные вещи. Но когда их отодвинули по рельсам и развернули... Знакомое явление. Изнутри шкаф напоминал пчелиные соты, а в ячейках... Когда все вытащили, разложили в стопки и подсчитали, то просто диву дались, как все это можно было упаковать и разместить в таком маленьком автомобиле. В шкафах оказалось следующее: 1871 экземпляр идеологически вредной литературы — все на русском и украинском языках, 4 банки типографской краски, три бутылки фотофиксатора, 6 катушек бумаги для машинописи, 5 рулонов бумаги для ротаторов, 2 микрофона, 40 магнитофонных кассет и 1600 рублей денег.

— Когда мы посмотрели эти книги и журналы, когда прослушали магнитофонные записи, то просто места себе не находили, поражаясь подлости и гнусности руководителей западных спецслужб, — рассказывает капитан А. С. Шаблий. — Мы уже пришли к тому, что некоторые западные туристы порой везут порнографические, эротические, антисоветские или прославляющие культ насилия книги, журналы, пластины, видеофильмы и т. п. Но тут все это да к тому же под религиозной подкладкой было напечатано, сфотографировано и записано на пленку для вполне определенных читателей и слушателей — для детей! Значит, наши идеологические противники поняли, что на взрослых людей им уже трудно повлиять, и взялись за неокрепшие детские души.

— А что с теми «путешественниками»?

— Они выдворены за пределы СССР. Это значит, что в присутствии представителей власти их посадили в поезд, зафиксировали все на пленку, и, кроме того, этим людям уже никогда ни под каким видом не будет разрешен въезд в нашу страну.

Около сорока лет существует отдельный контрольно-пропускной пункт «Брест». Десятки поездов, сотни автомобилей, тысячи пассажиров пересекают ежедневно границу Советского Союза у этого легендарного города. К нам едут туристы, деловые люди, частные лица, и всем мы рады. Мы рады честным людям всех стран и народов, которые едут к нам как друзья. Но тем, кто едет с мечом, мы хотим напомнить, что на границе их встретят люди в зеленых фуражках, многие из которых имеют знак «Отличник погранвойск». Пусть эти «туристы» присмотрятся внимательнее к этому знаку: в его центре барельеф пограничника. На его плече автомат с примкнутым штыком. Этот штык очень похож на старинный русский меч. Друзей он всегда защитит, а не другим следует почше вспоминать небезызвестные слова Александра Невского...

Арон КОГАН

ЛЮБОВЬ

Когда нас молодость вела
Свершать труднейшие дела,
Кто наставлял своих детей?
Любовь отцов и матерей.

Когда от горестей и бед,
Казалось бы, спасенья нет,
Кто выручает в горький час?
Любовь друзей, что верят в нас.

Все лучшее, что жизнь дала,
Все, что исполнено добра,
То, что в трудах мы возвели,
Творится именем любви!

СЛОВО

Все в прошлом когда-нибудь
будет!

Все в мире земном исчезает:
И травы, и звери, и люди...
Лишь слово бессмертным бывает!

Лишь мысли, отлитые в слово,
Когда они верны и святы,

ИМЕНЕМ ЛЮБВИ

Когда в них народа родного
Порыв и мечты не распяты!

Слова эти живы столетья,
Людские сердца восхищая,
На подвиг зовя в лихолетье,
К свободе, к добру призывая.

СЧАСТЬЕ

Не жди безоблачного счастья,
К нему еще не найден ключ!
Оно, как солнце в день ненастя,
Сияет лишь в разрывах туч.

Есть счастье с грустью увяданья,
Что в осень жизни светит нам,
Есть и с тоскою ожиданья
И даже с горем пополам.

Есть счастье в молодые годы
И в тихих предзакатных днях,
В любви и в прелестях свободы.
Есть счастье в детях и друзьях.

И чем трудней оно досталось,
Тем выше ценим мы его!
И ни заботы, ни усталость,
Ни то, что в жизни счастья —
малость,
Не умаляют ничего!

БАБУШКИ

Посадишь в землю луковку тугую,
И вскоре появляется росток.
И к солнцу поднимается, ликуя,
Тонюсенький зеленый стебелек.

А луковица вянет под землею,
Все соки отдавая стебельку,
И то, что было плотью наливною,
Истает, как туманы на лугу.

Так бабушки, что внуки
поднимают,
Себя им без остатка отдают.
Закатные денечки быстро тают,
И бабушки седеют и сдаются.

А им еще б свое увидеть лето,
Блеснуть осенней грустной
красотой!
А их еще ведь любят беззаботно
Те, с кем они прошли свой путь
земной!

Но дедушкам не достаются ласки:
Сердца теперь открыты для
внучат,
Которые растут, как в добной
сказке,
И бабушек своих боготворят!

ЧАС ИСТИНЫ

Таинственная ночь обступила больничный холл. Люди в белых халатах замерли — они понимают, что международный госпиталь подобен ковчегу среди разбушевавшихся стихий, — слишком бурной оказалась эта ночь в одном из городов Латинской Америки. То и дело тишину нарушает перестрелка, по местному телевидению раздаются речи полковника, главаря пущистов. Но никто из врачей не предполагал, что именно этот рвущийся к власти полковник будет смертельно ранен и окажется в госпитале, на операционном столе... Кому-то ведь надо бороться за жизнь.

Вот первая загадка той неспокойной ночи. И нелегкий для врачей нравственный выбор. Ведь каждый, кто прибыл в страну под знком Красного Креста, обязался быть верным Гиппократовой клятве. И каждый сознавал, что в случае неудачи расстрел угрожает всем...

Талантливый русский хирург Егоров берет весь риск операции на себя, требуя взамен освободить незаконно задержанных советских строителей... Но когда после успешной операции врач уехал из госпитала, на дороге ждала его загадка головорезов. То была вторая загадка трагической ночи...

Речь идет о спектакле по пьесе Василия Чичикова «Этот странный русский».

Московский драматический театр имени М. Н. Ермоловой оказался творческим единомышленником известного драматурга. Коллектив артистов-ермоловцев создал спектакль, где немало ярких находок. Действие подчинено четкому ритму, а общий рисунок композиций, созданный режиссером-постановщиком В. Андреевым, органично сочетает жизненную и психологическую достоверность с условностью сценографического решения, позволяющего свободно, остро монтировать, эпизоды. Художник Б. Бланк затеняет глубину сцены, где мелькают силуэты пущистов, освещаемые кровавыми всполохами неоновых реклам, всей ночной

жизни города. Полная тревоги музыка Э. Олаха усиливает общее звучание действия.

Спектакль «Этот странный русский» уже в первых газетных откликах был определен как политическая драма, которая могла действительно произойти и в Сальвадоре, и на Гренаде, и в какой-либо латиноамериканской стране. В этой драме, посвященной нынешним международным событиям, хотелось бы выделить основной аспект. Он тесно связан с образом русского человека, советского врача Николая Егорова. Артисты театра имени Ермоловой, по сути, играют спектакль-притчу о стойкости русского национального характера. Играют спектакль о советском человеке, за рубежом созидающем себя полпредом великой Отчизны.

Владимир Андреев, исполняющий главную роль, показывает Егорова сдержанным, как бы погруженным в себя. Понапачу не только его коллегам-врачам непросто понять характер этого странного русского. Даже и для зрителей он несет в себе некую загадку. Но, постепенно ведя своего героя к кульминации, В. Андреев раскрывает сущность Егорова. И перед нами является натура цельная, талантливая, наделенная жизнью страстями. И главное в нем — любовь к Родине.

В. Андреев ведет свою роль в унисон с партнерами; его герой ровен и дружелюбен с Клодом (В. Янук), подчеркнуто вежлив с Беном (Ю. Комаров), нерешителен в отношениях с влюбленной в него Джейн (О. Селезнева)... И на кон же преображается Егоров — Андреев, когда в госпиталь врываются пущисты: теперь русский врач — это сгусток энергии, сплошной волевой порыв. И понимаешь, отчего головорезы, стоящие перед безоружным врачом, испытывают чувство страха.

Заключительный эпизод спектакля В. Андреев проводит вдохновенно. Герой уходит на смерть. Он был готов к ней.

В. КЛИМЕНКО

О. Селезнева в роли Джейн и В. Андреев — Егоров. Фото И. Ефимова

Василь Быков — писатель, чью книгу — любую — открываяешь в твердой и спокойной уверенности, что предстоит очередная встреча с мастером на дежным. Что для меня в данном случае определяет это слово? Многое. И что описываемые события будут поворачиваться жесткими и точными мерками правды, совести, справедливости, благородства. И что скажет будет не просто захватывающим, но окажется разработанным до мельчайших деталей, которые никогда не производят впечатления лишних, необязательных. И что языки его будет пластичен, точен и ясен; не встретишь в нем раздражающих «изысков» формы, нарочитых инверсий, рассчитанно шокирующих вульгаризмов. Простота и благородство сути, благородство стиля... И — странно! — хотя почти все повести Быкова, что называется, «с плохим концом»: гибнут его главные, вызывающие симпатию герои, — тем не менее, несмотря на острое чувство сопереживания, несмотря на щемящую боль, вызванную повествованием, не остается в душе тягостной безнадежности. В том-то и сила быковской прозы, что вопреки ее трагическому содержанию укрепляется душа примерами осознанного героязма, примерами возвышающей стойкости, неодолимого упорства духа.

В этом году отмечать следует сразу два юбилея В. Быкова — 60-летие писателя и 25-летие его неуклонного следования своей теме (точка отсчета — повесть «Журавлинский крик», вышедшая в 1959 году и положившая начало всем последующим). Собственно, тема войны обозначилась еще в ранних рассказах Быкова («Смерть человека», «Обозник»), написанных вскоре после Победы, а заложилась она в сознании на военных дорогах, которые прошел командир взвода Василь Быков.

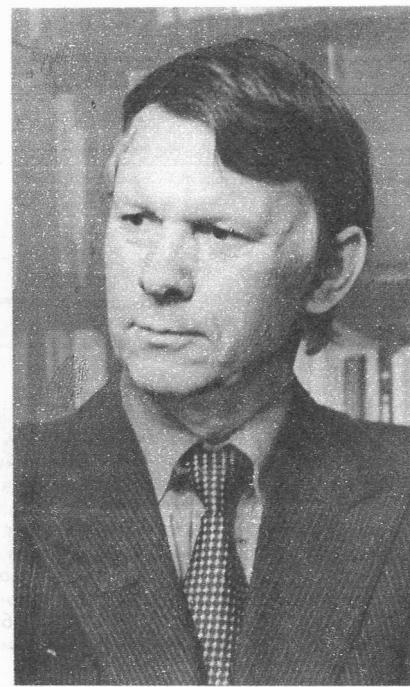
Как и многим его героям, воевать Быкову пришлось совсем юным. До войны он только еще искал свою дорогу в жизни. Но стремление к художественному видению мира было уже налицо: он учился на скульптурном отделении Витебского художественного училища. С начала войны 17-летний юноша участвует в оборонительно-укрепительных работах, затем кончает ускоренный курс Саратовского пехотного училища и в чине младшего лейтенанта отправляется на фронт, где сразу получает жестокое боевое крещение — полк, в котором начал сражаться Быков, был разгромлен в первом же бою. Ему пришлось изведать всю суровую будничность военного времени: «и наступать и обороняться, окружать и выходить из окружения. Был два раза ранен, лежал в госпиталях...

В. Быков был командиром стрелкового взвода, сражался в противотанковой артиллерию. Фронтовики знают, что это за служба — всегда на самом острие, в самом пекле. В 1944 году его семья получила известие, что командир взвода В. В. Быков погиб смертью храбрых, на одной из братских могил под Кировоградом в перечне погибших есть и его имя. Но он выжил и продолжал воевать до Победы — Румыния, Венгрия, Австрия...

И как другие его сверстники, почти мальчишками ушедшие на

К 60-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ВАСИЛЯ БЫКОВА

ОГНЕННЫЕ КНИГИ

войну, вобравшие в себя ее не-постижимый опыт (К. Воробьев, Ю. Бондарев, Г. Бакланов, Ю. Гончаров), белорусский писатель В. Быков не может и не хочет не только сам забыть ничего, но все свои силы отдает тому, чтобы всесторонне художественно осмыслить тему войны «в настоящем ее выражении» (Л. Толстой). Удачно названная «проза лейтенантов» поистине открыла для читателя новый угол зрения на войну, пережитую изнутри, увиденную в упор, живущую в не мутнеющей с годами памяти.

Все повести Быкова посвящены теме: человек и война (не обязательно: человек на войне). И всякий раз писатель показывает, как человек сознательно идет на смерть. Это необходимость, диктуемая долгом, который предъявляет своя собственная совесть, чувство нравственное, понимание единственно возможного поступка. Разные судьбы, разные люди. И тяжкий путь испытаний, когда и выявляется в человеке главное. Слабость и трусость, которые были прикрыты напористостью и самоуверенностью (Рыбак в «Сотникове»); сила и мужество, которые трудно было предположить за внешней мягкостью, безответностью (Грибоед в «Вольчье стае»), Петрок в «Знаке беды» да и сам Сотников).

Но Быков вовсе не парадоксалист. Его герой взяты из жизни. И, как в жизни, одни цельны и последовательны в своей порядочности, другие — с заведомой «порчей», третьи — неожиданы: казался неплохим — оказался негодяем; ничем не выделялся, тихий «маленький» человек — оказался героем. И вот Быков берет этих разных людей и ставит их в такие условия, когда подтверждается, опровергается или неожиданно обнаруживается самое существенное в человеке, его предел прочности, его нравственная стойкость.

Война — это заведомая жестокость, это неминуемая гибель миллионов. Но и в этой неизбежной данности Быков в каждой своей повести поднимает вопрос: случайна или закономерна (по военному времени) гибель каждого конкретного человека? В его повестях воссоздаются сложнейшие коллизии, герои ставятся в исключительные условия, пограничные ситуации, когда многое зависит и от них самих. И тогда читателю предоставляется возможность разобраться: оправданы ли были приказ, подчиняясь которому на верную смерть

идут герой; достойно ли ведут себя люди, связанные одним приказом или общей судьбой; не подтолкнул ли кто-то кого-то необдуманно или преднамеренно на встречу гибели. Глубокий трагический психологизм повести «Круглянский мост», где раскрываются многие из этих проблем, обусловлен, конечно, доскональным знанием будней войны, ситуации, в которую попала группа партизан, взрывающих мост, и мастерской художественной разработкой характеров героев повести (Бритвина, Маслакова, Степки).

Не все может спасти на войну В. Быков. А потому и исследует он не глобальные операции, а по преимуществу локальные, выпавшие небольшому отряду, группе, когда возможно проследить психологию каждого отдельного человека. Потому сравнительно небольшая повесть — его жанр.

Каждая из них сурова и драматична. Нет пищи для романтического воображения в повестях Быкова. И это — следствие сознательной установки писателя, исподволь выработавшейся и незыблемой. Он как бы ощущает на себе взгляды тех, о ком пишет, постоянно чувствует свою ответственность художника, не должностного и неющего погрешить против известной во всей наготе его героям истины, как бы ни показалась она неприглядна читателям, войны не хлебнувшим. «Всякая нарочитая романтизация, вольная или невольная эстетизация этого народного бедствия, на мой взгляд, является кощунством по отношению к ее живущим участникам и по отношению к памяти двадцати миллионов павших». Так утверждает свое кредо реалиста В. Быков.

Страшная, противостоящая сущность военных будней, с неумолимой достоверностью вскрываемая художником, — наибольшая гарантia надежного срабатывания воспитательной функции литературы. Ненависть к войне, неприятие ее чудовищности, ужас перед «преждевременной, гадкой, противной смертью», страстное желание, чтобы «это не повторилось», неизбежно укрепляются в сознании после каждой новой повести Быкова. Из этого не следует, что произведения Быкова воспитывают людей в духе пацифизма, не способными на ратный подвиг. Напротив, Быков прекрас-

но показывает, насколько надежнее в минуты испытания не романтики, которые «просят бури», а те мирные люди, в ком заложено патриотическое, нравственное начало и которые с завидным мужеством выполняют тот долг, перед каким порой отступают жизнерадостные бодряки.

Герои Быкова сознают священную правоту своего долга на войне. Советские люди в его повестях ни в коем случае не считают себя просто подчиненными, выполняющими приказ по принуждению. Их действия (действия большинства быковских героев) лично осмыслены, их участие в войне рано или поздно осознается ими как необходимость конкретного личного вклада в общее дело. Его герои не уклоняются от гибели, они даже идут ей навстречу, но, как настойчиво показывает писатель, они не хотят умереть, не сделав того, ради чего они эту войну ведут. И это не тщеславие, но глубинное, внутреннее стремление к справедливости. Сделал свое дело, тогда и смерть не так страшна, по крайней мере не так бесмыслена. Именно бессмысленная гибель вызывает протест у героев Быкова. Надо внести хотя бы крупицу в дело будущей Победы. Сделать так, чтобы хотя бы на одного врага стало меньше. Чтобы помочь выжить хотя бы одному своему.

Не подвергая сомнению общий смысл всей пролитой во время войны крови, всех страданий, всех жертв, герой повести «Дожить до рассвета» лейтенант Ивановский относит его со своим собственным смыслом, со смыслом своей неминуемой гибели. Он знает, что обречен, но не только близкий конец мучает его. Смертельно раненный, замерзающий на зимней дороге, «он ни на что не надеялся, он только хотел умереть не напрасно». Из последних сил он ждет утра, в надежде, что по дороге поедет немецкая машина и он взорвет ее вместе с собой. И когда вместо машины с важным, как ему бы хотелось, генералом на дороге показывается немецкая повозка с соломой, после минутной слабости и разочарования Ивановский смиряется с тем, что более крупные взносы для Победы сделают другие, а ему суждено взорваться вместе с простым немецким обозником (невелика фигура, но все равно — враг), и это и есть его «последний взнос для Победы, во имя своего солдатского долга».

Долг может быть и не «количественным», а «качественным». Так отдает себя добровольно в руки палачей школьный учитель Мороз («Обелиск»), чтобы разделить судьбу своих учеников. Впрочем, именно благодаря Морозу спасся чудом один из них. В повести «Обелиск» Быков затрагивает очень важный вопрос о безымянных героях, вернее, о забытых, безвестных, ничуть не меньше достойных нашей памяти и преклонения, чем те, о подвигах и боевой службе которых известны все подробности.

Повести Быкова «Журавлинский крик», «Фронтовая странница», «Третья ракета», «Альпийская баллада», «Западня», «Атака с ходу», «Круглянский мост», «Сотников», «Решение», «Обелиск», «Дожить до рассвета», «Вольчья стая», «Его батальон», «Пойти и не вернуться», «Знак беды» и другие несут безжалостную правду о войне, слагаясь в обширное героико-трагическое полотно. «Как и каждому фронтовику, — писал он, — мне близки в изображении войны все правдивые, гуманистические традиции — прежде всего опыта Л. Толстого».

Следование великим традициям, несомненный талант, гражданская честность и личный опыт фронтовика — вот та основа, на которой создает Василь Быков свой нравственный и художественный мир, мир страшных испытаний, выпавших на войне советским людям, спасшим нашу страну и все человечество от гибели и фашизма.

Владимир ЕНИШЕРЛОВ

Ночной поезд

Из областного центра поезд выходит поздно вечером, всю ночь не спеша крутит колесами и прибывает в столицу ранним утром.

Когда-то это был роскошный «курьерский» с рестораном и спальным вагоном. Он мчался, не останавливаясь, мимо обветшальных станций и убогих полустанков, подчеркивая важным попыхиванием и строгим сигналом значительность своей миссии.

Но времена менялись, а с ними менялся и поезд. Судьба не избрала его своим баловнем. Сначала отобрали ресторан, затем отцепили спальный вагон. Но когда его лишили титула «курьерский», он вконец захирел.

Как и следовало ожидать, люди отнеслись к неудачнику со свойственной им жестокостью... Забыв былье заслуги «курьераского», они тут же прозвали его «ночником», как детский горшок, и в дальнейшем постоянно напоминали ему о неполноценности, то и дело гоняя в сторону для пропуска «титулованных особ».

Страдал и Анатолий Осипович Крохин, который почти четыре года мотался в командировке на этом поезде туда-обратно и после исчезновения спального вагона никак не мог научиться спать сидя. Неумению предшествовало капризное нежелание, вызванное раздражением, и теперь Крохин долго расплачивался за эту привилегию в прошлом.

В «ночнике» Крохину ничего не оставалось, как довольствоваться в течение всей ночи жесткой скамейкой и чтением. Но случалось, что дневные неурядицы так выбивали из колеи, что и чтение давалось с трудом. Иногда он просиживал всю ночь, тупо уставившись перед собой или в свое же отражение на темном стекле вагонного окна.

Поезд тронулся после короткого, неприятно-ржавого свистка, и скрип рессор слился с облегченными вздохами занявших места людей. Едва локомотив успел преодолеть инерцию десяти перегруженных вагонов, как пассажиры, вознагражденные долгожданным по-коем за дневную суету, вдруг, словно по магическому жесту гипнотизера, послушно замерли в самых неожиданных позах, в которых застал их сон. Каждый раз с нескрываемым восхищением наблюдал Крохин за недоступным ему превращением, близким к колдовству. Рядом с ним, защемив указательный палец книгой на недочитанной странице, крепко спал сосед по лавке, левее измученная непрерывным вязанием худая женщина замерла, не захватив спицей очередную петлю. Но вот все лампочки, кроме двух подслеповатых в проходе, погасли, и в вагоне наступило царство мерного храпа и ритмичного лязгания металла.

Крохин сидел неподвижно, прислушиваясь к постукиванию колес и биению своего сердца. От несовпадения ритмов дыхание постоянно сбивалось, отчего на душе становилось неспокойно. К этому присоединилось чувство тревоги, которое возникло еще сегодня утром. Как часто бывает, из-за чего это чувство родилось, он вскоре забыл, но ощущение тревоги не покидало весь день.

«Не плохо бы вспомнить, что же это все-таки могло быть?» — подумал он и решил начать со вчерашнего дня. Длинное совещание, затем какое-то скучное обсуждение. Приходили люди, говорили или просили, что именно, он не помнил, но, видимо, удовлетворяя их просьбы, иначе бы они не ушли. Затем подписывал удивительно похожие друг на друга бумаги — этих мертвых свидетелей жи-

вых дел. Подписывал не задумываясь, не читая, с чувством сожаления к себе и погубленному лесу. «И все-таки что это могло быть?» Сердце опять угрожающе застучало. Он закрыл глаза и попробовал ни о чем не думать. Постепенно все стихло, и вчерашний день, как небесное светило, стал поворачиваться к нему своей освещенной стороной, меняя расплывчатое черно-белое изображение на четкое цветное с яркими красками.

Крохин вел машину сквозь плотный снегопад. Снежинки, пушистые и до боли в глазах белые, крепко сцепившись между собой, то беспорядочно кружили, то стремительно мчались навстречу фарам, грозя неминуемым столкновением. Но достаточно приближившись, они, в последний момент увернувшись, разбегались в разные стороны, пропуская машину вперед и забавляясь испугом водителя. Иногда онисливались так плотно, что возникала светонепроницаемая простьня, отчего граница между снегом падающим и лежащим исчезала и ехать дальше становилось опасно.

Тогда Крохин вылезал наружу и в обрубленных лучах фар ногами прощупывал края дороги. Каждый раз, выходя из машины, он с наслаждением подставлял лицо мягкому, прохладному снегу. Но, чуть охладившись, тут же спешил в тепло, к ожидающей в машине спутнице, которая уже держала наготове пахнущий свежестью платок и нежно снимала с его лица всегда похожие друг на друга капли воды — грустные остатки веселых снежинок.

Из города им удалось исчезнуть незамеченными, обманув окружающих, отчего вся поездка окутывалась в какую-то приятную тайну, а Крохин чувствовал себя, как никогда, молодым. По мере удаления от города повседневные заботы теряли свой вес и даже собственное тело, казалось, становилось легче.

За шестидесятикилометровым столбом съехали с шоссе и двинулись через лес, оставив позади непогоду. В лесу снежинки уже не сутились так беспорядочно, а солидно парили между деревьями, давая возможность полюбоваться собой. Неожиданно впереди мелькнул огонек и тут же спрятался. Затем вновь выглянула, на сей раз совсем в другой стороне, немного повеселился и исчез. Перед выездом из лесу машину резко бросило в сторону. Крохин ловко вывернул руль, мотор взревел и замолчал. Перед ними, напоминая космический ландшафт, лежало большое блюдо замершего озера с узорными бело-голубыми фарфоровыми краями. Поднимавшаяся луна ярко освещала эту неземную панораму каким-то нервным голубоватым светом, то прячась, то возникая вновь из-за проносившихся мимо грозно-темных облаков. Несколько мгновений они сидели молча, задохнувшись от фантастического зрелища.

— Страшно и красиво!

— Красиво! — Крохин признался только в последнем, хотя чувство страха было много сильнее.

Дальше дорога спускалась вниз и заканчивалась на самом берегу у аккуратного освещенного домика, за которым виднелись темные силуэты вспомогательных построек и неуклюжего громадного стога сена.

Завидев огни машины, хозяева выскочили на крыльцо, забыв в знак особого уважения к приехавшим накинуть верхнюю одежду.

— Вот и прекрасная обитель! А это ее хозяева: рыбак и рыбачка, — представил Крохин. Ему не хотелось разрушать так удачно начав-

шуюся сказку, и он умолчал, что рыбак из-за неуклюжих поворотов времени давно уже превратился в «инспектора рыбнадзора», не дав жене сколько-нибудь приличного имени, производного от своей новой профессии. За хозяйствкой вошли в теплый дом.

— Проходите в «каминную», — не без гордости в голосе предложила хозяйка, впуская их в теплый дом.

В просторной комнате со стенами из розоватых, гладко отесанных бревен, с красивыми разводами и причудливыми сучками, красовался большой «камин» — обычная русская печь с явными следами недоумения местного печника по поводу полученного заказа. По средине комнаты на чисто вымытом полу стоял красавец стол с могучей, словно надгробье, деревянной столешницей, высокобленной добела. На столе в чугунке, обернутом полотенцем, уха. Вокруг многочисленные глиняные миски и тарелки, наполненные солеными и пирогами с визгой. На резной доске красовался домашний хлеб с вздувшимся от жары хрустящим разрезом. Как только уселись за стол, хозяева наперебой стали за что-то благодарить Крохина. Тот тактично отводил все поклоны — «он тут ни при чем»: верный способ еще больше распалить угожающих. Хозяин выпил любил и приезду гостей радовался искренне. Странного цвета настойка сочилась непрерывной струей из старой бутылки-четверти, на дне которой, словно насыпавшиеся пиявки, поблескивали хмельные ягоды.

От выпитого первым затяжелел хозяин. Все преграды субординаций разом рухнули, а условности были отброшены в сторону.

— До чего же она у тебя красива! Где только такие берутся? — обратился он к Крохину.

— Из ваших же мест. — Крохин не знал, переходил ли ему с хозяином на «ты», и потому пока обошелся привычно-гибкой формой.

Хозяйка попробовала незаметно под столом толкнуть мужа ногой.

— Да ну тебя! — отмахнулся он. — В чем, в чем, а в бабах я толк знаю. В молодости таким котом был, что от запаха валерианки пьянял.

«Шутка» была проверена на многих застольях, и хозяин, уверенный в успехе, не дожидаясь гостей, сам громко рассмеялся.

— Сколько же тебе лет, красавица? — не унимался он.

— Какое тебе дело, сколько лет? — замахал на него руками жена, будто отбиваясь от невидимых насекомых. — Вы уж извините его, к старости хмелеть быстро стал.

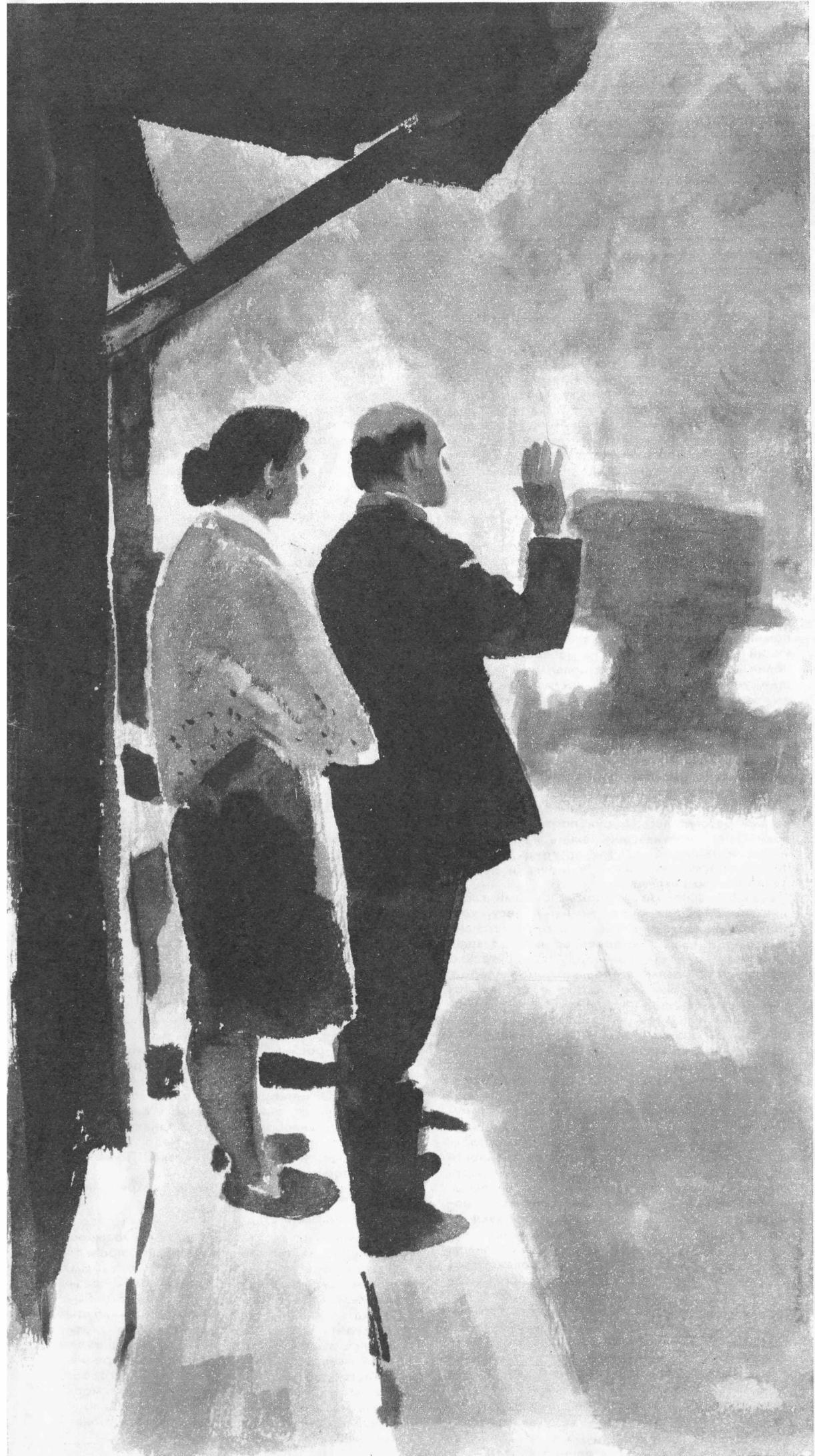
— При чем тут хмель? Я всегда знал: если человеку до двадцати — он думает о том, что ему предстоит, а если за пятьдесят — о том, что ему осталось.

— Да ваш муж — философ, — позволил себе снисходительно заметить Крохин. Было видно, что он не очень хорошо ориентируется в общении с пьяными.

— Философ никакой, но жизнь все же знаю. — Хозяин на секунду задумался и вдруг, как только могут пьяные люди, совершенно неожиданно переключился совсем на другую тему, забыв о начатом было разговоре: — А помнишь, как я тебя в двадцать лет ночью от родителей на санях увез? Ох, ты тогда и красивая была! Вроде вот нее. — Он интеллигентно ткнул пальцем в соседку Крохина.

— Кому это интересно... ночью... на санях... — начала было жена, но хозяин и тут поразил всех пьяной покладистостью.

— Неинтересно — не буду... А на лошадке

я бы на твоем месте непременно вокруг озера прошвырнулся... с такой красавицей.

— Да ты совсем сдуру! Какое катание в такую погоду? Мороз на дворе, не ровен час, они заблудятся! — Хозяйка так громко кричала, что трудно было не поверить в искренность ее сожаления по потенциально усопшим от мороза гостям. Но поздно. Видимо, у хозяина наступил звездный час, когда после выпитого он мог позволить себе самостоятельно совершать поступки, без одобрения жены, а еще лучше вопреки ее желаниям.

— В одну минутку заложим лошадку, — подмигнул он Крохину в знак того, что делает это не столько из симпатии к нему, сколько из желания поперечить жене, и тут же в ее сопровождении исчез за дверью. Все это произошло так быстро, неожиданно, что Крохин растерялся и никак не мог найти подходящую нить для продолжения разговора. Почему-то начал рассказывать о Франции, о том, как бывал в Париже, о знаменитом парижском «чреве», которое он застал еще в полном расцвете и поблизости от которого вместе с мясниками ночью ел луковый суп и любовался элегантными парижанками.

Она не пыталась установить связь между происходящим и повествованием о ночном Париже, о котором знала только из книг и песен. Он всегда представлялся ей уютным, немного грустным городом с красивыми улицами, брусчатые тротуары которых круглый год обильно посыпались опавшими листьями.

Но сейчас, после рассказа, ее ощущение стало меняться. Теперь Париж показался менее уютным и более роковым. Город представлялся перенаселенным сладострастными францужenkами, которые мчали при виде Крохина. Она чувствовала себя слабо защищенной от них, и в первую очередь потому, что была переполнена теми же желаниями: угождать ему и повиноваться.

Крохин, несомненно, догадывался о нарушенном равновесии, даже был уверен в нем, но делал вид, будто ничего не замечает, видя в этом определенный, до конца ему одному понятный смысл.

С самого «начала» он не обращался к ней иначе как на «ты», она же за четыре прошедших года не позволила себе ни разу ответить тем же. Да ей это и в голову не приходило. Он для нее всегда был и оставался «вы», «вы» и только «вы». Крохину эта разноступенчатость в общении нравилась.

Скоро появились сани, старые русские развалины, и серая лошадь с длинными ногами. Крохин никогда не правил лошадью, но после выпитого и в ее присутствии ему хотелось уметь делать все, решительно все!

Он уселся на подстилку из свежего сена, взялся за вожжи, натянул их и попробовал вспомнить слово, которое бы заставило животное двинуться вперед. Наконец он выдал традиционное «но», прозвучавшее тихо и интеллигентно, словно английское отрицание. Приученная к чудачествам гостей, лошадь только повела ушами и удивленно скосила глаза на хозяина. Тот еле подобрался к ней на пьяных ногах, хлопнул по крупу рукой и обрушил длинную фразу, состоящую сплошь из междометий. Хорошо отрепетированный номер удался. Лошадь, словно плохая актриса, выкатила глаза, имитируя испуг, по-балетному переступила с ноги на ногу и, неожиданно легко сорвавшись с места, весело побежала по накатанному пути вокруг озера. Крохин пошевелил вожжами, и она понеслась еще быстрее. На повороте сани сначала немного накренились, а затем легли набок. Оба седока выкатились из-под теплого пледа в пушистый снег и под собственное улюлюканье, в котором было больше страха, чем лихости, заскользили вниз по отлогому берегу. Крохин несколько раз перевернулся вокруг самого себя, словно дорожный каток, примял несколько небольших елочек и, наконец, упервшись в навьюженный горб снега, расплылся на спине. Его спутница проделала тот же путь и угодила прямо в его объятия. Лица их оказались рядом, и он замер. От холодного ветра ресницы ее заиндевели, и белый пух обрамил морозными кружевами два больших грязновато-голубых глаза, светившихся лунным отражением. Крохин лежал неподвижно в несуразной позе, и вялые мысли, нанизан-

ные на размочалившуюся нить воспоминаний, с трудом, словно через густое варенье, лениво тянулись сквозь его память.

«Почему глаза? — подумал он. — Почему не руки, которые могут обнять или оттолкнуть, не губы, с которых слетает нежность или срываются оскорблении, почему именно глаза были для меня всегда началом отношений с женщинами и оставались в памяти даже тогда, когда образы их обладательниц стирались временем?»

— Мой милый, если бы вы только знали, как прекрасно любить вас, необыкновенного, умного, красивого! Вы мой первый во всем... Я счастлива, что нашла вас... Крохин поначалу не поверил своим ушам, затем попытался остановить ее, прижавшись своей щекой к ее губам, но она ловко увернулась. Знаете ли вы, мой милый, сколько времени любящая женщина проводит в мечтах?

— Вероятно, все свободное от работы... — попробовал отшутиться он.

— Она мечтает круглые сутки: день за днем, год за годом. Она устает от этого, ей плохо, ее мечты превращаются в галлюцинации, но она продолжает мечтать.

— И ты тоже?

— И я тоже. Я люблю вас, жду вас, мечтаю быть с вами столько, сколько вы мне отпустите на это времени...

Слышать это было приятно, но и страшновато.

— Да ты совсем пьяная. — Он взял ее за плечи.

— Я счастливая... потому что вы рядом.

— При чем тут я? — Он сам не понял, чего больше было в этом вопросе: кокетства или раздражения.

— Я люблю вас. — Глаза ее чуть улыбнулись в знак того, что она поняла состояние его души и тут же простила за неуклюжую выходку.

— За что? — Он продолжал мстить ей за великодушие.

— С вами сбывается все, о чем я мечтаю.

— Как это?

— Вам покажется странным, но в это путешествие я уже пускалась однажды, причем совсем недавно, накануне вашего приезда.

— И что же?

— Было все как сегодня: это же замерзшее озеро, теплый дом, милые хозяева. Трудно поверить, но я тогда подумала, как было бы хорошо прокатиться на лошади и на одном из поворотов выпасть вместе с вами в снег, а потом вместе выбираться из него.

— Мистика какая-то. И почему непременно со мной? Чем я лучше других?

— Хотите знать?

— Разумеется.

— Мужчины сеют вокруг себя много лжи, чаще всего бессмысленной, никому не нужной.

— Не во спасение.

— Вот именно. Просто так, из легкомыслия. Вы не опустились до этого и ни разу не обманули меня.

— Ложь не в моих правилах.

— Прекрасно. Главное — вы не уверяли меня в том, что ненавидите вашу жену и что возвращаетесь каждый раз домой только из соображений не повредить вашей служебной репутации. Наконец, вы никогда ничего не обещали мне, и это благородно с вашей стороны...

— Что же здесь благородного? Выходит, каждый, кто не врет, может считать себя благородным?

— К сожалению.

— Тебя кто-нибудь обманул?

— Не успели, но я очень боюсь этого. Мне кажется...

— Послушай, что с тобой случилось? За все наше — он с трудом подыскал нужное слово, — четырехлетнее знакомство ты не сказала столько, сколько за один сегодняшний вечер.

— Чему тут удивляться? Я люблю вас и когда-то должна была высказать то, что чувствую.

Наступившая пауза была короткой, но тягостной. С одной стороны, было несомненно приятно сознавать себя предметом обожания прекрасного, юного существа. С другой — внутри что-то неприятно засуетилось, предвещая недоброе, связанное с какими-то заботами или, что еще хуже, с необходимостью при-

нимать решение. Он прогнал мрачные мысли и, когда поднял голову, поймал на себе ее взгляд, такой грустный, какой бывает только у пожилых людей, вспоминающих детство.

— Ради всего на свете, ваши глаза никогда не должны останавливаться, как сейчас! Это ужасно! Вы не должны ничего бояться! Что бы ни случилось, я буду всегда с вами!

Именно этого Крохин и испугался. Замечание о его остановившемся взгляде так раздражало его, как будто кто-то обнаружил тщательно скрываемый им недостаток. Тем не менее он взял себя в руки и попробовал улыбнуться. Хотя улыбка и не получилась, подделки оказалось достаточно, чтобы все обернулось к лучшему. Она кинулась к нему и, осыпая поцелуями, укрыла собою от всех подстерегавших неприятностей. Крохин, забыв обо всем, вновь любовался прекрасными чертами милого лица, вокруг которого из волос и снега образовался праздничный белый кокошник. Отяжелевшая от налипшего снега прядь волос то и дело сползала ей на щеку, мешая им видеть друг друга. Каждый раз она осторожно брала ее рукой и легким, плавным движением убирала в сторону, грациозно откидывая голову назад.

«Откуда у нее? — думал он, — прозябающей почти безвыездно в захолустье, такая во всем изысканность, которой могла бы позавидовать самая рафинированная западная звезда, положившая на это всю свою жизнь? Где могла она увидеть красоту движения рук, отрепетировать царственный поворот головы, приобрести столь величественную осанку? А может быть, все это врожденное? От природы? Может быть, и есть это самое «русское женское чудо», о котором так много говорят за границей и мимо которого мы спокойно проходим, как мимо девственного леса, не замечая только потому, что у нас его много». Припомнился ему бум «русских невест», возникающий время от времени на Западе. Он часто ловил себя на том, что ревновал русских женщин, уезжающих к своим иностранным мужьям, и тогда ему ничего не оставалось, как удивляться количеству сосредоточенного в нем этого ни на что не пригодного чувства. То ли от досады, то ли от мороза, но Крохин ощущал озноб по всему телу. Они молча поднялись и стали взбираться по откосу к дороге. Затем вместе попробовали перевернуть и поставить сани на полозья, но рыхлая масса под ногами расступилась, и они погрузились в глубокий снег, оставив сани лежать на боку. Наконец, изрядно устав, стоя по грудь в сугробе, они посмотрели друг на друга и неожиданно весело рассмеялись.

Беззаботный смех легкомысленными горшинами рассыпался по зимнему лесу, удаляясь и отскакивая со звоном от замерзших деревьев. Лошадь, нетерпеливо наблюдавшая за ними, покачала головой, неодобрительно фыркнула и, сделав несколько шагов вперед, потянула за собой сани, которые тут же поспешили сами встать в колею. После снежного купания они изрядно прогорли на обратном пути, и, войдя в теплый дом, немедленно сбросили с себя обледеневшую одежду, завернувшись в одеяла, принесенные из соседней комнаты — спальни, и уселись в мягкие кресла напротив камина. Березовые дрова, выложенные заботливыми руками хозяев в аккуратную пирамиду, разгорались в полную силу. Пламя длинными огненными языками старательно вылизывало кирпичные внутренности камина, изо всех сил пытаясь вырваться наружу через дымоход. Хозяев в доме не было, но, уходя, они оставили дух готовности появиться по первому же зову. Крохин взял со стола бутылку красного игристого вина и наполнил два массивных хрустальных бокала. Они подняли тяжелые кубки на уровень глаз и долго смотрели в камин через толстое стекло, окрашенное ярко-красным напитком. Несправедливо запертое кем-то, только что выпущенное на волю вино бурлило и шипело от возмущения и в отблесках бушующего огня напоминало картину извержения вулкана. Они с восторгом любовались грозным зрелищем, то выпивая раскаленную лаву, то наполняя бокалы вновь.

Буря в камине тем временем улеглась, оставив после себя гору дышащих углей, от которых по дому распространилось томящее тепло.

— Можно бесконечно смотреть на огонь. Гроздная стихия, а успокаивает. — Она говорила, не отрывая глаз.

— Эта стихия уверена в своей вечности, а все вечное действует на человека успокаивающее, потому что сам человек чувствует себя крайне беспомощным от ощущения кратковременности своего существования. Морские волны — грозная стихия, а действует, как снотворное.

Наступившая тишина подчеркнула значительность сказанного Крохиной, а заодно и всего происходящего в этом доме.

Ночью Крохин проснулся от холода. Рядом никого не было. Он тихо поднялся, надел халат, который всегда возил с собой, и вышел в гостиную. Камин давно прогорел. Из-за того, что заслонку дымохода не закрыли, тепло ушло наружу, и в комнатах становилось прохладно. Через окно было видно, как теплый снежный вечер сменился морозной, прозрачной ночью. Сидя все в том же кресле, только теперь повернутом в сторону окна, укрытая от холода с головой в одеяло, она не подозревала о его пробуждении. Голубое отражение ясного неба освещало лишь половину ее красивого лица, по которому текли слезы. От неожиданности Крохин застыл. Первое желание было подойти, обнять и успокоить, сказав что-то такое... Но он сдержал первый порыв, предвидя, что второго не последует. Он знал, что если сейчас подойдет, то будет вынужден сказать то, о чем говорить не должен. Это подсказывал его мужской опыт, которому он привык верить.

Наконец он собрался с силами и, как старшеклассник, заранее всхлипывающий при мысли о родительской трепке за позднее возвращение домой, на цыпочках прошел в спальню, забрался под одеяло и улегся на уже остывшую простыню. Матрац предательски скрипнул, он в ужасе закрыл глаза, притворившись на всякий случай спящим. Излишне. Она продолжала сидеть все в той же позе и не могла ничего слышать, кроме надрывного завывания ветра, способного, казалось, вытянуть через трубу не только тепло из комнат, но и из тел человеческих.

Крохин долго лежал с закрытыми глазами, но сон не приходил, возвращение оказалось сильнее утомления. Он давно сумел приучить себя к довольно банальной мысли о необходимости «платить за все», но сейчас, скрючившись под тонким одеялом, дрожа от холода и душевной неразберихи, начинал подумывать, не переплачивает ли он в данном случае.

Обратно ехали молча. В машине было тепло, но его знобило, и он с завистью посмотрев на попыхивающие белесым дымом деревенские избы, в которых, наверное, людям жилось спокойно, без забот, мучивших его. Километровый столб, показавший, что они проехали большую часть пути, несколько примирял с действительностью.

«Собственно, чего я так переполошился, застав ее плачущей ночью? Почему решил, что я причина этих слез? Разве мало других? Плохое настроение, нездоровье родителей, да мало ли причин? А кстати, кто ее родители? Существуют ли вообще? Челуха, конечно, существует. О матери она даже что-то рассказывала. Кажется, они похожи, хотя она ей и не родная. Или, наоборот, мать родная, но они совершенно разные внешне. Надо бы спросить ее, а то как-то неловко. Пожалуй, вообще пора заговорить».

— Кажется, обратно доехали быстрее, чем туда.

Молчание было ответом.

Неудачное начало несколько обескуражило Крохина, но он тут же вспомнил, что последний день вместе с ней всегда был самым трудным. Он становился рассеянным и раздражительным. По отношению к ней это было вряд ли справедливо, но разве кто-нибудь мог осудить его за то, что в мыслях он возвращался домой быстрее, чем доставлял туда ночной поезд? На сей раз полное примирение с совестью состоялось при въезде в город, и, чтобы разрядить обстановку гнетущего молчания в машине, он неожиданно для себя пропел куплет очень популярной песенки, обнаружив сразу отсутствие и вкуса и слуха.

Продолжение следует.

Н. Аргунов. ПОРТРЕТ НЕИЗВЕСТНОГО /И. ЯКИМОВ?/. 1790.

Останкинский дворец-музей творчества крепостных.

См. стр. 8.

лены не хуже старинных фландрских. Крестьянин был немой, бровастый и остроглазый, крепкий мужик без имени, которое граф, пользуясь его немотою, скрывал от ревизий в опаске, что, прознав про чудеса, выпросят умельца в столицу, в приписку к императорской мануфактуре. Мужик ткал занавесы для театра, поражая всех тоншиной отделки и подбором оттенков нитей, которые сам же и красил травяными красками, и эту позу его, со стаканом красного бургундского вина в руке, Аргунов поймал, когда мужик привез на санях зимой 1789 года увернутый в рогожу занавес к «Самнитским бракам» и когда сам декоратор Гонзаго, выписанный чуть ли не за миллион, буквально раскрыл рот от удивления. Они собрались тогда в театральных сенях, и огромный тканый занавес был брошен развернутым на пол, занимая его целиком; Гонзаго ходил по занавесу, как по ковру, и цокал языком, и жмурил глаза, а граф Николай Петрович послал за вином, и мужику налили бургундского, с которым он долго не знал, что делать, и хоть не понимал ни слова из итальянского разговора графа с Гонзагой, но держал стакан с достоинством и удивительно артистично.

Другой овал (в простенке над шкафчиком), особенно старательно и любовно выписанный светлыми сиреневатыми и розовыми красками, представляя озорную, разряженную в костюм из «Тщетной предосторожности, или перевозчика Кусковского» Таню Шлыкову, тогда шестнадцатилетнюю, но уже первую балетную ученицу и актерку у мадам Шевалье, блеставшей некогда в Гранд Опера. И, наконец, в третьем овале, чуть отворотившись в трехчетвертном обороте, являлся Танин партнер поダンсертству, всегдаший «Амур», непревзойденный в высоте прыжка и легкости вращений Ванька Якимов, в зеленом суконном кафтане с золотым позументом, с прямою балетной спиной, за которую все хотелись Аргунову поместить небольшие птички крыльшки, столь привычные для Ванькиного сценического облика. Якимову, когда Николай Иванович писал его, стукнуло всего четырнадцать, и он был будто сын всей шереметевской крепостной труппы, поскольку взяли мальчишку для балетного обучения из Косина, из родного дома пятилетним, после чего оба родителя его друг за другом отдали душу богу в один год: болезнь ли какая свела их в могилу, тоска ли по Ваньке — неизвестно.

Все это были друзья Аргунова, товарищи, составившие свое полускрытое от графа компанейство: и тот же Ванька Якимов, чьей музыкальностью и особо танцем à la antik восхищался маэстро и «учитель фигурантов» Жанфанелли, и певчий — бас Григорий Кохановский, и композитор, капельмейстер Степан Дегтярев, и смотритель библиотеки, «филологер», поэт и переводчик со всех европейских языков Василий Вороблевский, и, конечно же, Прасковья Жемчугова. Все это были друзья Аргунова, и все это были, как и сам Аргунов, крепостные люди графа Николая Петровича Шереметева.

Поразительный он был все же человек, «крез меньшой», выученик Лейденского университета, энциклопедист, почитатель французских демократических устремлений Дидро и одновременно владелец двухсот тысяч русских крестьян, камергер и гофмаршал, личный друг императора Павла I, блестательный виолончелист, а также очень устойчивый дипломат на дворцовом паркете, поскольку, полностью устранившись от политики и карьеры, не принял за свою жизнь ни одного участия ни в одной столичной интриге. О, как знал Аргунов, сработавший десяток его портретов, каждую черточку этого лица, и эти глаза, и, даже казалось иногда — наизусть самою душу.

Николай Петрович в тонкой злаченной рамке тоже висел у Прасковьи, прямо против трех овалов — хозяин и мужика-ткача, и Ваньки Якимова, и Тани Шлыковой: излом бровей, усталый и пристальный взгляд, чуть асимметричное, но красивое и нервное лицо было у их господина, целиком посвятившего себя музыке и искусству. Они, музыка и искусство, сложили страсть его жизни: он обезжал свои близкие и дальние деревни, подмосковные, ярославские, владимирские, малороссийские в поисках талантов, он увозил оттуда девочек и мальчиков, способных к танцам, пению, живописи, вообще ко всякому изящному действу, и обучал их, не жалея средств, всему, чему можно было обучить артиста или художника. И оттого его театр, его коллекция картин, его капелла и его оркестр были, быть может, лучшими в России.

Он, граф Николай Петрович, ссыпал барином не жестким, был не горяч, не холоден, был даже, как называл его уже Аргунову вольному и академику, вспоминая, молодой князь Вяземский, «пуглив духом». Они встретились тогда, зимою 1822 года, у Полицейского моста, и Петр Андреевич, мальчиком еще знавший Аргунова (по приказу Шереметева приезжавшего к нему в Останкино списывать портрет отца его, старого князя Вяземского), все опасно шутил — известный же якобинец — над тогдашней их художественной жизнью, говорил: «Вот граф вроде умный был человек, увлекался медициной и воспитывался в детстве швейцарцем Бюклоттом, а не понимал, чудак, что странный пытался сформировать союз — рабов и господина, выплывающих вместе и взявшись за руки произведения искусства. Ведь вот вы, Николай Иванович, искусство учили и скажите: а мог разве быть такой альянс у Фидия, Браманте, Палладио или Рафаэля?» И хитро улыбался сквозь стальные круглые очки.

Николай Иванович бежал всегда от таких речей и таких имен. Он прекрасно знал, что он не Рафаэль и даже не свои, русские знаменитости — не умерший недавно Рокотов и еще живущие Левицкий и Боровиковский, не взошедшая звезда — Кипренский. Судьба вела его окольными путями, а не улицей, да и меру своему таланту он знал очень хорошо. Так же хорошо, как то, что и свой рабочий долг в меру сил пред судьбою и людьми он выполнил. Всю жизнь Аргунов писал почти одни портреты и сколько их написал — сам не помнил. У него были скромные цели, в которых он видел дело своей чести: никакой

недоговоренности, никаких полускрытых намеков, все должно быть отчетливо очерчено, выявлено и тщательно выписано. Это действительно были скромные цели, и только дважды гений благословлял его кисть: в 1801 году и в 1803-м.

В 1803 году он писал портрет Прасковьи на сносях, тот самый, в полосатом халате, и дописывал уже после рождения наследника, маленького графа Дмитрия Николаевича, дописывал и после ее смерти, забравшей Прасковью на третью неделю после родов. Наследник, сын обладателя несметных сокровищ и кусковской крестьянки, гениальной певицы Ковалевой, был крупный, здоровенький младенец, но мать вплоть до последней минуты своей жизни беспрестанно спрашивала о нем, опасаясь, как бы его не похитили, и все время требовала, чтобы его приносили.

Аргунов видел ее часа за два до смерти: провела его на семейную графскую половину имевшую туда доступ Таня Шлыкова. На исходе прелестном лице глаза выделялись особенно, и Аргунов отметил, как сильно переменился рисунок этого лица с 1801 года, когда граф с «апробации» государя и благословения митрополита вступил с ней в законный, но тайный брак и обвенчался. То были последние для нее дни в Москве, и она, как чувствовав это, побывала в Кускове, а потом вместе с Аргуновым, ехавшим починять и перетягивать ослабшие картины в галерее, — в Останкине, где долго говорила с механиком Федором Ивановичем Пряхиным, и Пряхин по ее просьбе поднял машиной две боковые кулисы и задник — для лучшего резонансу, а она все пробовала голос, то забираясь куда-то в верхотуры диканта, то спускаясь до альтов: «О, участь, что меня гнала, ты мнила сердце побе-ди-ти-ии...»

Венчальный портрет Прасковьи он писал уже в Петербурге, в Фонтанском особняке: белое платье, накинутая на плечи красная шаль, в левой руке ридикюль, в правой — веер. Какое необычайное было у ней лицо! Страдальческое, но примиренное и вовсе не такое, какое следовало ожидать от дитяти природы: с известною овальностью или круглотою, с ясностью взора, белизною и румянцем, с роскошною пшеничной косой. Напротив — ни эдакой, ни классической красоты тут не пришло, и лоб бы нашли узким, глаза невеликими и по-азиатски растянутыми, волосы лишенными пышности, а скулы слишком выпуклыми. Но сколько в минуту обаяния эти черты приобретали смысла, значимости и выражения души! Аргунов знал точно — он сумел взять на своем портрете такую минуту: глаза сильные своюю глубиной, томность, близкую к слабости, разлитой будто во всем существе и наследованной, вероятно, от болезненного организма, но в то же время смуглый колорит — свидетельство твердости воли, силы натуры и энергии, готовой подняться до последней степени стойкости, до напряженной артистической деятельности; и вообще весь облик был такого абсолютного очарования, что за душу хватало от мысли, что это дивное существо рушится от физических и нравственных мук.

Теперь, на исходе своих лет, Аргунов, озираясь на ушедшие годы, часто спрашивал себя: «Счастливой ли протекла жизнь моя?» — и тут же отвечал: «Наверное, счастливой». Он был мастер, и все из его семейства испокон века были мастерами: дед Алексей, знаменитый «урный» лепщик, каменщик-артист, сотворил все кусковские парковые вазоны, а дядька Федор, «архитектор гезель», следил за возведением в том же Кускове Оранжереи, Каскадов и Китайского дома. С отца же, Ивана, и вовсе началась аргуновская слава. Отец обучался в молодости у Гроота и кой в чем даже превзошел иностранца, как и подобает настоящему таланту, благодаря которому в 1753 году, в столице, Иван Аргунов был признан вместе с Антроповым сильнейшим из русских живописцев, и именно ему отдали обучаться знаменитых потом Лосенко и Головачевского. После же смерти брата Павла, ученика Баженова и первого зодчего, ставившего Останкино, Николай Иванович оставался одним и последним держателем этой славы.

О том, что он прожил большую часть своей жизни в неволе, о том, что не имел права жениться по своему усмотрению или работать в удобные для него часы и дни, и работать ту работу, которую он хотел работать сам, а не ту, которую хотел граф, о том, что все письма к нему он подписывал обязательным «нижайший раб Аргунов», о том, что он не мог отъехать даже на десяток верст в сторону без графова позволения, о том, что был графовой тенью, выразителем не своих, но только его вкусов, о том, короче, что все это было очень дурно, — Николай Иванович никогда не думал.

Напротив, он думал о даре художника, коим наградил его бог и родной отец, о замечательном ремесле, позволившем ему никогда почти не бояться позора порки: слишком многие вокруг жили куда хуже, и, по мысли Николая Ивановича, грехом было жаловаться на свою судьбу.

Лучше, когда выберется минута перед сном, вместо всяких таких никому не нужных дум раскурить трубочку и вообразить опять тот незабвенный час, проведенный с Прасковьей в открытой графовой коляске по пути в Останкино, перед отъездом ее насовсем в Петербург. Вообразить Марынину Рошку и прямую, укатанную дорогу, лето и ясное утро после теплого ночного дождя, сырой запах грибницы и чуть парной — конского навоза, влажную, изумрудную оправу размытой и рыжей колеи, украшенной блестками глинистых луж, синьковые вспышки между листвой, медное пение форейторской трубы, жаворонка, камушком мелькнувшего в небе, когда неожиданно открылся его купол за теменю подъездной аллеи, дугою, почти по циркульному окружью пруда, выводящей к роскошному белоколонному дому. И как вдруг, заметив за обочиной, в стороне, двух крытых платками останкинских баб, деревянно кланявшимся пробегавшему экипажу, Прасковья отчаянно и раздельно, не «миланским», но полевым голосом затянула:

Зеленая рощица всю ночь прошумела,
А я, молодешенька, всю ночь не спала-а-а...

КРАЖА

В БЕЛОМ ДОМЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Сергей ЛОСЕВ,
Виталий ПЕТРУСЕНКО

В начале года «Огонек» опубликовал серию материалов*, в основе которых лежали ставшие достоянием гласности факты внутриполитического шпионажа против главы американского государства. Эта история, в которой фигурируют 39-й президент США Дж. Картер и 40-й президент Р. Рейган, продолжает будоражить заокеанских политиков и журналистов, о чем и пойдет речь в продолжении политического детектива «Кражи в Белом доме».

История с кражей документов из тайников правительства Дж. Картера и Совета национальной безопасности США в ходе президентской избирательной кампании 1980 года породила разные гипотезы. Среди людей, поднаторевших в исследовании крупных политических афер Америки, высказывается и такое, казалось бы, маловероятное предположение: многие варианты политических последствий похищений документов Белого дома были заранее отработаны на электронно-вычислительной машине. По-видимому, совет ЭВМ на случай раскрытия мошенничества совпал с заключением помощников Р. Рейгана и был однозначен: ни в чем не признаваться, все отрицать, ибо стоит только отступить раз — и цепочка разоблачений приведет бог знает куда, и не исключено, что к самому президенту.

ЭВМ на службе преступников? Кибернетика в древнем царстве Фемиды? А почему бы и нет? Ведь сильные мира того полагают, что пора двинуть научно-техническую революцию на передовые рубежи политической борьбы, которая вот уже 200 лет ведется в Соединенных Штатах недозволенными методами. Тем более что в калейдоскопе уголовных преступлений, совершаемых служащими и чиновниками всех рангов, хищения с помощью ЭВМ не имеют себе равных по тем десяткам миллиардов (!) долларов, которые ежегодно добываются с помощью кибернетики. Электронные мозги безмолвны, исполнительны, действуют, не оставляя человеческих отпечатков пальцев.

«Белые воротнички» холодно относились к президенту Картеру, которому показалось, что они стали не в меру охочи на казенные доллары и имущество. Белый дом пытался было расширить борьбу с мошенниками, растратчиками, взяточниками, ворами и т. п. В предпоследнем году его пребывания в власти ФБР под нажимом Картера бросило четверть своих кадров на расследования «беловоротничковых» преступлений. Такой натиск выявил по крайней мере одну закономерность. «Беловоротничковые» преступники чувствуют себя привольно не только в экономической, финансовой, управлеченческой сферах, но и в политической среде. Поэтому хищения картеровских документов, которые были возложены на правительственные служащих, с точки зрения криминального техницизма особой трудности не представляли. А неприязнь Картера к «белым воротничкам» могла лишь подогревать их на преступление, раскрыть которое теперь весьма трудно.

* См. «Огонек» №№ 4—7, 9. 1984 г.

ОСОБО ЧУВСТВИТЕЛЬНОЕ ДЕЛО

В этом убедились и члены подкомиссии во главе с конгрессменом Д. Элбостом палаты представителей конгресса США. После десятимесячного расследования «рейгангейта», 23 мая 1984 года, они опубликовали 2400-страничный доклад «Недозволенные передачи конфиденциональной информации во время президентских выборов 1980 года», в котором подчеркивается, что «многие вопросы остаются без ответа», что подкомиссия столкнулась с «неискренними» заявлениями представителей рейгановского лагеря, что она не смогла раскрыть, кто в картеровском лагере обеспечивал рейгановцев секретными документами. Республиканская фракция меньшинства в подкомиссии Д. Элбосты пыталась саботировать выпуск доклада, который подтвердил то, что писалось и говорилось в Америке о нынешнем директоре ЦРУ У. Кейси. Будучи в 1980 году руководителем предвыборной президентской кампании республиканской партии, он был тем лицом, в руки которого стекались все похищавшиеся документы. Однако об этом ниже, пока же — о событиях, предшествовавших появлению многотомного доклада.

В 1978 году из множества кандидатов на пост директора Федерального бюро расследования (ФБР) президент Картер выбрал Уильяма Уэбстера. Под его маской нейтрализации в политическом соперничестве между демократической и республиканской партиями Картер все же разглядел сторонника демократов. Он не предполагал, что со сменой власти в Белом доме Уэбстер окажется «переметной сумой». Но главное было даже в другом — Картер впервые на пост директора ФБР назначил судью, за плечами которого был девятилетний стаж работы в апелляционных судах, а ранее — трехлетнее прокурорство. Уэбстера предстояло утверждение сенатом на десятилетний срок. Джимми Картер акцентировал его достоинства путем сравнения: во главе ФБР стояли сыщик, осведомитель и полицейские, теперь же получайте слугу закона. И вот сенаторам представили «спокойного, тихого, скромного, проникнутого судейской мудростью и опытом» Уэбстера, отличавшегося, как писалось в одной нашумевшей книге о ФБР, твердостью в отношении преступников. В отличие от судей-либералов о нем шла молва как о «грозе уголовников», он обещал извести в Вашингтоне «беловоротничковую» преступность.

Нынешний президент унаследовал по закону директора ФБР — политической и уголовной охранки, выполняющей также функции внутренней контрразведки. Понапачу задавались вопросом, сработаются ли Рейган и Уэбстер. Ведь хотя Уэбстера отведен законом десятилетний срок деятельности, а лишить места его можно лишь в случае совершения им каких-либо злоупотреблений или преступлений, он может подать в отставку и по собственной воле. Они сработались. Бывшему судье оказалась ближе ультрапрекционная философия республиканских правителей, чем либеральные разлагольствования их предшественников.

И вот, например, на барометре ФБР стрелка ошалело отскочила от сектора «борьба за гражданские права негров» и больше к нему не возвращается. Или взять кризис из кризи-

сов — «рейгангейт». Десятью годами ранее босс ФБР Пэтрик Грей переметнулся в лагерь врагов Никсона и прибавил им амуниции, чтобы свалить дубинкой «Уотергейта» 37-го президента США. Уэбстер же лояльно защищал верхушку республиканской партии, погрязшей в политической уголовщине и клятвопреступлениях. Когда-то он повторял слова с наезженной пластинки Картера о правах человека. Теперь же, узнав, вероятно, больше, чем кто-либо в США (за исключением злоумышленников) о том, как обошлись с этими самыми правами Картера, он счел своим долгом замять скандал.

ФБР приходится вести, выражаясь языком Вашингтона, политически чувствительные расследования. Они направлены против нарушений различных законов и уложений высокопоставленными представителями правительства и конгресса. На рубеже 70—80-х годов в министерстве юстиции был издан циркуляр, согласно которому особо чувствительные политические дела ФБР лично контролирует министр юстиции.

Итак, в расследовании дела о краже бумаг из Белого дома, Совета национальной безопасности и других правительственные учреждений оперативно-командная кривая круто взмывала вверх: washingtonское отделение ФБР во главе с Т. Гарнером — директор охранки У. Уэбстер — министр юстиции Ф. У. Смит — президент Р. Рейган.

Конечно, в Белом доме много, очень много дали бы, чтобы такого расследования вообще не было. За каждым агентом ФБР не успешишь, гляди, и напишет кто-то из них докладную, отчет, донесение, которые потом попадут в нежелательные руки. Ведь недаром неделями и месяцами конгрессмен Д. Элбоста, настойчиво, хотя и малопродуктивно, добивался предоставления ему докладных агентов ФБР в их «первоизданном» виде.

Но в условиях разгоравшегося летом прошлого года скандала улизнути от разбора дела означало бы подлить масла в огонь и убедить даже не веривших в преступление, что путь республиканцев к высшей власти был вымощен преступными деяниями. И вот 8 июля 1983 года в 8.15 утра в Рузельвортовском зале, расположенном наискосок от Овального кабинета президента, на обычном совещании помощников президента неожиданно появился Рейган. Без всякого вступления он взял «быка за рога»: «Я хочу, чтобы все находящиеся в этой комнате и вообще в Белом доме продолжали всесторонне сотрудничать с ФБР и рассказали все, что им известно по поводу раздающихся обвинений».

Накануне агенты ФБР уже задавали вопросы руководителю аппарата сотрудников Белого дома Дж. Бейкеру, советнику президента Э. Мизу, директору Отдела связи Белого дома Д. Гергену, директору Административно-бюджетного управления Д. Стокмэну. Теперь, обращаясь к Э. Мизу, президент продолжал: «Эд Миз, проследите за тем, чтобы кабинет и все остальные в правительстве были соответственно проинструктированы». Поглядев в сторону юристко-консультанта Ф. Филдинга, хозяина Белого дома, приказал: «Фред, скажи ФБР, что все сотрудники окажут всемерное содействие и готовы, включая меня самого, отвечать на вопросы. Мы хотим добраться до истины».

Одна из глав в истории о том, как ФБР «до-биралось до истинных» в соответствии с указанием главы Белого дома, довольно туманна. У нее есть косвенная предыстория. В 1919 году будущий президент США, бизнесмен-республиканец Герберт Гувер по-своему откликнулся на Великую Октябрьскую социалистическую революцию. Он убедил владельцев Стенфордского университета в калифорнийском городе Пало Альто, что надо создать научно-исследовательский институт с громким называнием «войны, революции и мира» — Гуверовский институт, как впоследствии будут его называть*. Гувер сделал первый финансовый взнос и убедил других толстосумов последовать его примеру. В результате это одно из богатейших учреждений такого профиля. И Мекка для антисоветчиков и антикоммунистов со всей Америки и со всего света. Где только можно, гуверовцы скупали ценные документы и редкие публикации предреволюционной России, документы противостоявших сил революции и контрреволюции в гражданской войне в Советской России. Здесь издаются «Ежегодник мирового коммунизма», «Русский обзор» и пр. С институтом решил связать свою политическую карьеру Рейган, он поддерживал с ним тесные рабочие отношения, будучи губернатором Калифорнии, принимая на вооружение его концепции. В 1975 году он презентовал Гуверовскому институту весь свой восемилетний губернаторский архив, а институт избрал его своим почетным членом.

В 1980 году сотрудники Гуверовского института сочли, что впервые для них представился подходящий случай вмешаться в предвыборную президентскую кампанию. Разумеется, на стороне Рейгана. 22 гуверовца вошли в «команду» Рейгана в качестве советников. Они подготовили для него немало рекомендаций и предложений относительно внешней, военной и экономической политики, получив в награду места в Белом доме, государственном департаменте, Пентагоне.

Рейган распорядился передать всю предвыборную документацию своей организации на вечное хранение Гуверовскому институту. В этом архиве триумфа были запрятаны и крашеные материалы, бывшие собственностью Картера. Всего насчитывалось свыше 900 непрепечатанных ящиков документов, официально именуемых «Рейгановским предвыборным архивом». Для их раскрытия требовалось разрешение опекунского совета архива, состоящего из Р. Рейгана (председатель) и его советников — Э. Миза и М. Дивера. На следующий день после того, как поступил запрос конгрессменов допустить их представителей к архиву, идентичный запрос последовал от ФБР. Опекуны мгновенно утвердили ходатайство ФБР и передали запрос законодателей юрисконсульту Белого дома, у которого не было ни малейшего желания подпускать людей Элбосты ни к одному из 900 ящиков.

Директор института мистер В. Кэмбелл и 250 его подчиненных стойко выдержали весть о том, что они являются укрывателями крашеных бумаг. Но она не вызвала у них особого восторга. Ведь институт существует на жертвования отдельных лиц, организаций и корпораций, субсидий Стенфордского университета и правительства. Дурная слава ему совершенно ни к чему, тем более что на ниве антисоветизма в США подвизается около 200 весьма прожорливых «научных» центров, только и ждущих подачек.

До сих пор неясно, при каких обстоятельствах были извлечены из гуверовских архивов некоторые особо чувствительные политические материалы. Согласно одной версии, фээзировцы не стали рыться в бумагах сами, а доверили это гуверовским архивариусам. Согласно другой версии, фээзировцы отстранили архивариусов и делали все сами. Во всяком случае, когда конгрессмен Д. Элбоста вновь и вновь просил допустить его следователей к гуверовским архивам, ему отвечали категорическим отказом. Ему выдавали только то, что прошло «обработку» ФБР.

* Основные цели института Гувер сформулировал так: «Выявлять зло учения Карла Маркса — будь то коммунизм, социализм, экономический материализм или атеизм, чтобы таким образом защитить американский образ жизни от этих идеологий, их заговоров...»

«В интересах расследования мы должны саже-
мое-что обработать (выделено нами. — Авт.) и лишь затем передать это на рассмотрение подкомиссии Элбосты. Мне кажется, все будет прекрасно (!). Я не вижу в этом никакого конфликта или конфронтации» — так успокаивал Элбосту пресс-секретарь министерства юстиции Томас Декайр.

Но шли дни и недели, а Элбосту все притягивали как магнит документы в Гуверовском институте. Пока он забрасывал письмами министра юстиции и президента США, особо чувствительные политические бумаги из Пало Альто были вывезены агентами ФБР и, как утверждала вашингтонская мольва, надежно упрытаны от посторонних глаз. А чтобы успокоить Элбосту, ему предложили сделку баш на баш. Его допускают к архивам в городе Пало Альто под честное слово, что он изучит все документы картеровской кампании 1980 года. Ведь демократы, мол, могли тоже запускать руку в карман республиканцев. Но, позовите, возражал конгрессмен, разве были какие-то обвинения и нарекания со стороны республиканцев? Не было, но чем черт не шутит, отвечали молодцы Уэбстера из ФБР.

В утонченном стиле потешались над Элбостой, делая ему заранее неприемлемые предложения. И все же конгрессмену с помощью обходных законодательных маневров удалось получить ряд документов, к которым мы еще подойдем.

Не обошлось без казусов. Кое-кто в Белом доме буквально воспринял приказ хозяина рассказать ФБР все, что ему или ей известно. Старое административное здание (бывший государственный департамент) стоит на Пенсильвания-авеню рядом с Белым домом; в нем размещается аппарат президента; в чулане на пятом этаже секретарша наткнулась на архив директора отдела связи Д. Гергена (и в нем было свыше 1000 страниц копий конфиденциальных документов Совета национальной безопасности) и сообщила ФБР.

Перед Элбостой вырос как из-под земли Ричард Аллен, благообразный антикоммунист профессорского вида. Выходец из Гуверовского института, в избирательной кампании 1980 года он возглавлял штаб внешнеполитических экспертов бывшего голливудского актера; в январе 1981 года занял престижный ministerский пост помощника президента по национальной безопасности, о чем он мечтал всю сознательную жизнь.

Присматриваясь к аппарату своего предшественника З. Бжезинского, Аллен решил оставить у себя нескольких человек, и прежде всего Джерри Дженнингса. Он обратил внимание, что тот начал служить в аппарате совета еще при Г. Киссинджере и поднялся при Бжезинском до начальника службы внутренней безопасности аппарата. Прошло немногим более года, и Джерри крупно отблагодарил Ричарда: он навел кого надо на сейф Аллена, где лежала одна тысяча долларов, которую тот содрал с японского журналиста за организацию интервью с первой леди — мадам Нэнси Рейган. Ричард Аллен, прощааясь с Белым домом, прекрасно понимал, что с ним сводил счеты не Джерри Дженнингс, а кто-то повыше.

Под присягой Аллен заявил Элбосте, что он получал в 1980 году бумаги Совета национальной безопасности Картера — Бжезинского, что этими документами его снабжал... Джерри Дженнингс. Последний публично, но без присяги отрицал это. Молодцы Уэбстера ему поверили, и Джерри Дженнингс ни разу не был ими допрошен. Однако показания Аллена сыграли роль: все, если верить ФБР, документы из картеровского досье Гергена (у досье, кстати, было любопытное кодовое название — «Афганистан») были — после «изучения» их ФБР — выданы прессе.

По роду своих занятий Дженнингс был тесно связан в 1980 году с ФБР. Войско босса рейгановской избирательной кампании Кейси, которое действовало в тылах Картера, состояло из бывших сотрудников не только ЦРУ, Пентагона, но и ФБР. Но приказ Белого дома Уэбстера вести расследование не разрешал касаться деятельности в предвыборной кампании 1980 года бывших агентов ФБР. Что же вообще имели право расследовать? Было право искать, кто выполнял роль «крота» (лазутчика) или «кротов» в правительственном аппара-

те Картера, кто в войске Кейси принимал «кровное» подношение.

А с каким законом могло быть это увязано? Еще только когда ФБР приступало к особо чувствительному делу, газета «Нью-Йорк таймс» писала в редакционной статье:

«Информация, которая имеется сейчас в распоряжении ФБР, не носит достаточно инкриминирующий характер, чтобы можно было прибегнуть к использованию Закона об этике в правительстве. Но Ирвин Натан, который был заместителем помощника министра юстиции при президенте Картере, не согласился с этим мнением. «Создается впечатление, — сказал он в интервью, — что имеется достаточно информации для того, чтобы провести предварительное следствие в соответствии с положением о назначении специального прокурора. Самое вероятное нарушение федерального закона и совершение уголовного преступления в этом случае, — заявил он, — сознательное получение, скрытие и использование государственных средств, собственности или данных, которых похищены или незаконно разглашены».

Итак, американские юристы хотели: 1) назначения специального прокурора; 2) проверки, соблюден ли «Закон об этике в правительстве». В первом было сразу отказано, хотя в апреле 1984 года, уже после завершения следствия ФБР, специального прокурора пришлось назначать в драматических обстоятельствах. На второе обратили первостепенное внимание.

* * *

Этика и «детектор лжи», «детектор лжи» и этика. Их решили обручить вроде бы по обоюдному согласию. Никто не нарушал этики — это вам может подтвердить «детектор лжи». Полиграфическое испытание честности — лучшая гарантия соблюдения политики-юридической этики. И первым разговор на эту тему поднял корреспондент газеты «Вашингтон пост», никем пока не побитый король сенсаций Боб Вудворт. Это он при помощи некоего осведомителя по кличке «Глубокое горло» сумел разуть «уотергейтское дело», вместе со своим напарником К. Бернстайном заработав миллионы долларов.

И вот 16 августа 1983 года, спустя два с половиной месяца после начала «рейгангейта», Вудворт публикует свой первый материал о новом скандале. В Вашингтоне и Калифорнии, где находился президент, циркулировали слухи, что ФБР просит у вышестоящих инстанций права предложить подозреваемым в ходе второго тура их допросов пройти через «детектор лжи». Дело это добровольное: хочешь — садись в кресло для полиграфической проверки, не хочешь — не садись.

«В списке тех, кого ФБР хочет проверить на «детекторе лжи», фигурируют директор ЦРУ Уильям Кейси и глава аппарата сотрудников Белого дома Джеймс Бейкер, — писал Вудворт. — По словам Бейкера, он получил ориентирующую информацию Картера к предвыборным дебатам в 1980 году от Кейси, но Кейси заявил, что он не припоминает, что видел эти документы или кому-то передавал их», —казалось, что ничего сенсационного Вудворт не откопал.

На следующий день, 17 августа, коллега Вудворта Дэвид Гофман передавал из Санта-Барбары: «Как заявил сегодня Белый дом, он в принципе не будет возражать против использования «детекторов лжи» в проводимом ФБР расследовании... Как добавили должностные лица, они ожидают, что Рейган согласится на просьбу об использовании «детекторов лжи», если она будет изложена непосредственно ему. По словам помощника пресс-секретаря Белого дома Л. Спикса, пока никто с такой просьбой не обращался. Спикс отвечал на сообщение в «Вашингтон пост» (Вудворт) о том, что ФБР планирует попросить у министерства юстиции разрешение проверить на «детекторах лжи» примерно десяток свидетелей».

КРАТКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Обратимся к упоминавшемуся нами докладу подкомиссии конгресса, в котором перечислены десятки бесспорных кандидатов на встречу с «детектором лжи». 12 сентября 1980 года, арлингтонская штаб-квартира республиканцев. Под председательством Кейси идет совещание его заместителей и помощников. Обращаясь к своему первому заместителю

Э. Мизу (ныне советник президента и опекун «Рейгановского предвыборного архива»), Кейси говорил, что «необходимо иметь больше информации из лагеря Картера». Ныне Кейси отрицает, что он делал такое заявление. Адмирал в отставке Р. Гаррик, работавший на Кейси и Мизу, составлял протокол — памятку заседания и зафиксировал в нем процитированные слова. Ныне он не припоминает, что составлял протокол, хотя и смотрит при этом на этот самый протокол, выведенный его собственной рукой. Секретарша Л. Э. Вагнер, печатавшая протокол-памятку, тоже совершенно не помнит такого события. Наконец, Миз также все забыл.

Не знаем, сумел ли бы «детектор лжи» пробудить их память. Но ясно, что единого мнения среди организаторов следствия относительно пользы от применения его к напропалую вравшим соучастникам грязных махинаций не было. Обручение этики с «детектором лжи» грозило обернуться обручением «детектора лжи» с неслыханным политическим мошенничеством, голливудской демократии с беловоротничковым Вашингтоном.

В конце августа Бейкер «с радостью» соглашается дать показания на «детекторе лжи». Бывший судья Уэбстер как бы между прочим сообщает корреспондентам, что он исповедовался несколько раз на «детекторе лжи» и ничего страшного в этом нет. Но Кейси упирается, хотя и добавляет, что дважды на посту директора ЦРУ отдавал долг «детектору лжи». Наконец, в ноябре Кейси также «с радостью» принимает приглашение. Но внезапно начинается смена декораций.

14 декабря 1983 года Уильям Уэбстер вызывает Теодора Гарднера, начальника американского отделения ФБР, и сообщает ему, что он переводится командовать в восемь раз меньшим отделением в Портленде на тихоокеанском побережье. На его место в Вашингтоне прибывает Норман Зайгросси из Сан-Диего — одной из калифорнийских вотчин ультраправого крыла республиканской партии.

Гарднер был потрясен. Сколько сил отдано верной службе! Какие сногшибательные провокации против дипломатов социалистических стран провернули он в самые последние годы! Сам Эдгар Гувер, правивший в ФБР почти пол века, наверняка переворачивается от зависти в могиле! И вот тебе Портленд! За что? Якобы лишь за то, что побеседовал с Бобом Вудвортом в середине августа. Но попробуй откажи в беседе Вудворту! Тем более что перед началом беседы занес этот факт в журнал о встречах с журналистами. Цель беседы? Да исправить неверное представление у Вудворта о ходе расследования.

Однако министерство юстиции издало еще ранее приказ о введении «эмбарго» на любые контакты между работниками министерства и ФБР и представителями печати, радио и телевидения по вопросам чувствительного расследования пропажи картеровской собственности. Да, но почему Уэбстер ждал четыре месяца, чтобы наказать нарушителя «эмбарго»?

Или мы чего-то не знаем, или, несмотря на одобрительное отношение президента, Белого дома, министерства юстиции и ФБР, с одной стороны, и Бейкера, Кейси — с другой, к «детектору лжи», почему-то комбинация с обручением этики и «детектора лжи» не вытансцовывалась. И тогда решено было дать предметный урок забывающим про «эмбарго» и чувствительное расследование. Тем более что в конце года происходила активизация Вудворта, профессиональный девиз которого можно перевести знакомым нам всем кличем «Ну, заяц, погоди!».

Операция замены «Гарднера на Зайгросси» произвела впечатление и на фээрсовцев и на других американцев, окунувшихся в тайны Пенсильвания-авеню. До 23 февраля сего года, когда министерство юстиции опубликовало официальный доклад об итогах расследования, в американской печати наступило полное затишье — «эмбарго» на «рейгангейт». Гарднер на жертвеннике американского правосудия — это не такая уж простенькая выдумка Уэбстера. Вот здесь он был действительно строг. Твердость и целенаправленность проявил он и в расследовании, о чем свидетельствует итоговый документ.

Продолжение следует.

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Б. Н. ЛИВАНОВА

В ИСКУССТВЕ — С ТЕМПЕРАМЕНТОМ БОЙЦА

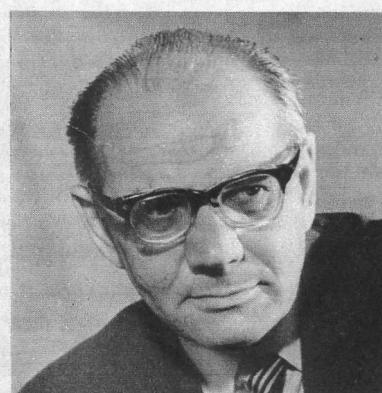
Именно бойцовский, несгибаемый характер определил и всю жизнь и творчество великого русского артиста Бориса Ливанова, — сказал о нем знаменитый Всеволод Пудовкин... Оба они были людьми выдающимися, и не только друзьями, но соратниками, и, думается, мысль Пудовкина можно назвать стражневой, ведущей, определяющей содержание документального фильма, который Центральное телевидение посвящает жизни и творчеству Б. Н. Ливанова, народного артиста СССР, лауреата Государственных премий.

Картина сделана любовно и щательно Василием Ливановым — сыном Бориса Николаевича. Режиссер, писатель, артист, художник (он же ведущий фильма), Василий Ливанов вложил в свое создание такой большой и серьезный труд, что фильм трудно назвать просто документальным. Здесь каждый документ, неопровергимо точно определяющий значительность и весомость всего того, что мы видим на экране, становится явлением искусства, с ним сопрягается, его раскрывает и усиливает. Тут все слилось воедино: и сцены из спектаклей и фильмов с участием Б. Н. Ливанова; и множество его рисунков, не повторимых по оригинальности; и редкие, малоизвестные фотографии, знак любви и уважения к Ливанову его учитель — Станиславского и Немировича-Данченко.

— Не изображал героя, а становился героем Ливанов, чистейший в жизни и на сцене человек. — Это говорит о Ливанове А. И. Степанова. И тут же следуют кадры из фильма «Балтийцы»... Видим вдохновенное лицо Ливанова. Борец, коммунист, умница. А вслед за ним и как бы даже в противовес ему — Ноздрев: фигура крупная, острокомическая, уморительно точная в мельчайших подробностях поведения, во всей манере жить, существовать... Почему же он нам сегодня нужен? Чем интересен? Да именно своей ненужностью, своей пустотой. Беспрощадное обличие бахвалиства, внутренней бедности, духовного ничтожества...

С. Ф. Бондарчук с грустью вспоминает Бориса Николаевича, сожалея более всего о том, что не пришло ему работать с Ливановым, — это был неповторимый художник, последний из могикан...

Ливанов не знал различия в творческом отношении как к классике, так и к современной пьесе

ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА ЧИВИЛИХИНА

Он был подвижником, патриотом. Человек крепких сибирских корней, он любил родную землю, заботился о ней, оберегал ее. «Земля у всех нас только одна, и, быть может, она только одна такая на всю нашу необъятную Праматерь-Галактику — со своей неповторимой природой и ее бесценным подарком — жизнью... поэтому ее надо беречь», — сказал Владимир Чивилихин в одной из своих книг.

Все, кто встречался с ним и хотя бы раз разговаривал об истории нашей Родины или ее сегодняшнем дне, не забудут его страстных рассказов-раздумий о судьбах Отечества, его всепроникающей эрудиции, образованности, убежденности в том, что память делает человека добре и чище.

Сын Сибири, певец Сибири, радиотелевизионный и защитник ее бесценной природы, Владимир Чивилихин воспел трудовой и нравственный

подвиг мужественных и стойких людей. Сделанное им на поприще осмысливания взаимоотношений человека и природы, человека и истории, человека и будущего выдвинуло писателя в ряды наиболее авторитетных мастеров документальной прозы наших дней. Кто не помнит его горячих, взволнованных выступлений в печати по вопросам сохранения и сбережения наших рек, почв, лесов? Имя Чивилихина, как писал о нем один из его коллег-писателей, «стало синонимом бесстрашного обличителя косности, узости мышления, недальновидного распоряжения бесценными дарами природы».

И еще Чивилихин дал возможность читателю испытывать чувство собственного участия в событиях давно ушедших эпох.

Только тот народ твердо стоит на ногах, который крепко чувствует свою связь с прошлым. Этому истину Владимир Алексеевич познал и прочувствовал с первых своих литературных шагов. Ею пронизаны все его книги, включая такие, как «Серебряные островы», «Земля в беде», «Шведские островки», «По городам и весям». С этой мыслью всей биографией, личной и творческой, всей своей человеческой и гражданской сутью он шел к вершине своей книги, роману-эссе «Память», за которую писатель был удостоен Государственной премии СССР. До боли жалко, что это яркое повествование о нашей русской земле, о природе патриотического чувства, о любви к Родине осталось незавершенным. Творческие замыслы писателя-исследователя, писателя-историка были обширны. Тысячи писем от благодарных читателей заставляли работать и думать, мыслить и мечтать. А главное — сегодня же, не-

или фильму. Он отдавал себя образу каждого своего героя сполна. И снова, снова удивляясь громадному душевному человеческому многообразию, несхожести его героев...

Каков, например, Потемкин! Огромный, красивый, самодовольный, он ведь еще и хитрый и сомневающийся, временами не уверенный даже в себе! А потом снова восхищающийся собою: «Один у меня глаз, да двух стоит!.. Как же он хорош, как достоверен.

И тут мы опять слышим комментарий С. Ф. Бондарчука:

— Режиссер должен умереть в актере!

Эту истину подтверждают ученики Ливанова — болгарские друзья. Они очень точно поняли и определили его творческую суть: «Ливанов был человек огромный. Такой и любит до конца и ненавидит до конца...» А известный артист Болгарии Петр Гюров, комментируя работу над «Братьями Карамазовыми», замечает лаконично: «Нельзя говорить о Ливанове в прошедшем времени». И это доподлинно так...

В finale Василий Борисович Ливанов и старший его (В. Ливанова) сын, младший Борис Ливанов смотрят вдвоем давнишний фильм «Дубровский». Неотразимо хороши бывший барич, поднявший оружие против злодейства своего же сословия... И снова трудная человеческая судьба. Снова полная самоотдачи артиста, рождающая наше ответное душевное потрясение...

На фотографии, подаренной молодому Ливанову, Станиславским написано, что русское искусство уходит; остаются крупицы... «Сберегите их! — завещал Константин Сергеевич.

Жизнь своей Ливанов выполнил требование Учителя.

Ф. КОВАРСКАЯ

медленно отвечать на конкретные вопросы наших современников. И он отвечал на них своим главным оружием — словом. Что такое история, что такое память, спрашивали его и комсомолец-девятнадцати лет, и умудренный опытом жизни человек. И Владимир Чивилихин отвечал на эти вопросы страстно, честно, открыто. Буквально перед смертью, по-видимому, в самой последней своей работе, статье «О памяти», опубликованной газетой «Советская Россия» в конце мая, он писал: «Родина начинается со своего начала, то есть с истории родной земли, делений предков... История хранит не только политический опыт предков, но и экономический, культурный, нравственный. Будучи мудрым учителем жизни, она преподает ничем незаменимые уроки, подает высокие примеры, образовывает, предостерегает от ошибок и наставляет, не поучая и не приказывая, помогает сохранять личное и национальное достоинство, укрепляет веру в будущее; оттачивает разум и облагораживает чувства...» Как бесконечно много вмещает в себя слово «память». Это слово настолько близко каждому из нас, что оно стало синонимом самых святых и дорогих понятий, таких, как «Родина», «Мать», «Добро». Владимир Чивилихин назвал свою книгу «Память», и отныне наше представление об этом емком русском слове долго будет ассоциироваться с судьбой и творчеством большого писателя и гражданина.

Горько всем, кто знал и любил его, но книги Владимира Чивилихина, его гражданскому писательскому подвигу во имя будущего России — Родины суждена долгая жизнь.

Валентин СИДОРОВ

Возвращение Акулы Додсона

Николай ПОЛЯНОВ

ПАМФЛЕТ

Кто не помнит Акулу Додсона, зловещего грабителя и бизнесмена? Того самого, кто стал красочно описан американским писателем О'Генри? Оказывается, он не только плод фантазии, но и реальная личность, творящая свои темные делишки на огромных пространствах Австралии, Англии и Северной Америки. Правда, имя нашего отрицательного героя другое — Руперт Мэрдок; да и прожорливость иная: никогда и не снились Акуле куски столь сочные и большие, как те, которые заглатывает ее материализовавшийся двойник.

Породил его хищник куда меньшего размера — Кейт Мэрдок — владелец провинциального австралийского листка «Ньюс». Учился Руперт, как и полагается отпряному состоятельный родителя, в английском Оксфорде. Баловался в юности либеральными взглядаами. И прослыл в редакции лондонской «Ньюс кроникл», где начал пробовать свои силы в качестве волонтера, даже «копасным смутьяном». Тогдашний его шеф высказался о нем предосудительно: «Мне кажется, он способен в дремучей Австралии бросить перчатку левым, оставив их справа».

Когда, однако, молодой Руперт после смерти папаши отправился домой, он тут же «осрамил» лондонского ментора: в два счета расстался с заблуждениями молодости, выбросил на улицу редактора своей газеты. Под руками начинающего босса листок быстро принял образ рыночной торговки и принес своему владельцу за пару-другую лет десятикратную прибыль. С тех пор он придерживается твердого правила: к дьяволу порядочность, даешь крикливость!

Мэрдок всегда, и притом упорно, старался доказать ошибочность старинного изречения, гласящего, что аппетит шире рта. Нет, рот, точнее, пасть оказалась у него не менее широкой, чем аппетит. С помощью спекуляций, откровенного шантажа, используя временные затруднения владельцев других газет, он двинулся на охоту в мутные воды буржуазной печати. Если на его пути попадалась газетка, которая дышала на ладан, он тут же заглатывал ее, порой почти бесплатно. А затем быстро превращал в скандальный черносотенный бульварный листок.

Охотничий угодья в Австралии вскоре перестали его интересовать — не тот размах, не те возможности. И он ринулся на Британские острова, а затем в Соединенные Штаты. И постепенно создал газетную империю, в которой сегодня значится более девяноста ежедневных изданий, двенадцать еженедельников и пять журналов. Они выходят в Австралии, Новой Зеландии, Англии и Америке.

Еженедельно его типографии выплевывают более пятидесяти миллионов экземпляров печатных изданий, а в пересчете на год — около трех миллиардов. Только недавно его штаб-квартира не без хвастовства отметила, что Мэрдок «продает больше периодических изданий, чем любая другая фирма западного мира».

Еще бы! Он превзошел даже американца Рандольфа Херста, в прошлом некоронованного короля западной прессы, который в лучшие свои времена владел двадцатью восемью газетами и тридцатью журналами. Знаменитые покойники — лорд Бивербрук, которому принадлежала лондонская «Дейли экспресс», и лорд Нордклиф, владевший лондонской «Таймс» и любивший говорить: «Дайте мне хорошую войну, и я вам сделаю баснословный тираж», — давно вынуждены были отступить в глубокую тень. Даже могущественный Аксель Шпрингер, не случайно именуемый «цезарем», безмолвно пасует, когда Акула щелкает зубами. «Цезарь» владеет «всего» пятью западногерманскими ежедневными газетами и несколькими журналами. А его преуспевший соперник диктует свою волю только в Англии почти трети газет с еженедельным тиражом в 32 миллиона экземпляров. Лондонский «Обсервер» — еженедельник, который пока еще находится вне империи австралийца, недаром признает, что он «колицетворяет самую большую газетную власть, которая когда-либо существовала на Западе».

Но и это не предел. Как раз в нынешнем году загребущие руки Мэрдока дотянулись до... космоса. Оттуда он с помощью американского спутника связи рассчитывает внедриться в кабельные программы телевидения в Англии, Норвегии, Финляндии и Швейцарии. Лондонская «Дейли телеграф» видит Мэрдока «на пути к мировому издательскому господству». И тогда ему, «в сущности, все будет дозволено».

Пример — сиднейская газета «Дейли миррор». Он получил ее почти в подарок, поскольку никто из других австралийских издателей не хотел и прикасаться к этому вечернему изданию, еле сводившему концы с концами, а потому оказавшемуся на грани банкротства. Мэрдок прикоснулся: уволил главного редактора, выставил на улицу многих журналистов, заполнил страницы скандалами, добавил к ним изрядную долюекса и вскоре поднял тираж до наивысшего в городе уровня. Более того, прибыль от бульварного листка оказалась достаточной, чтобы открыть «солидную» газету «Австралиец». Правда, вначале она не слишком хорошо продавалась. Пришлось уволить во-

семь (!) главных редакторов одного за другим, прежде чем газета стала «приемлемой» по мэрдоковским меркам.

Сиднейская история во многих отношениях поучительна. Она иллюстрирует хватку современного Додсона, позволяет понять, как он, используя особенности рынка, слабость конкурентов и благоволение властей, добивается быстрого успеха в агрессивных авантюрах. Да, да, речь идет действительно об агрессии особого свойства. Подтверждение тому — разбойничье нашествие на Флитстрит, традиционную улицу газет в Лондоне. Там Мэрдок избрал своей жертвой одну из крупнейших газет — «Ньюс оф уорлд», вышедвшую почтенным тиражом в шесть миллионов экземпляров и считавшуюся королевской среди воскресных изданий. Операция была спланирована в духе классического вторжения в чужой дом. Сперва агенты скопили треть акций газеты — дверь была взломана. Затем, воспользовавшись болезнью председателя правления газеты, пустили в ход махинации, которые дали еще четверть акций. Старому шефу газеты Уильяму Керру пришлось уйти в отставку. Мэрдок праздновал победу.

Тем временем хищник уже пасся в западном полуширии. В один прекрасный день он вцепился в газету «Нью-Йорк пост», о которой говорили, что она имеет «приличные манеры». Когда Мэрдок ее купил, со старой репутацией в два счета было покончено. Отныне газета смаковала скандалы, живописала детали из жизни преступников и сдабривала все это изрядной порцией, мягко говоря, дешевки. Шарахнувшись в сторону даже некоторые из американских друзей издателя. Один из них, менеджер нью-йоркского универсального магазина «Блюмингдейл», пожаловался, что «нынешние читатели газеты появляются в нашем магазине только в качестве воров».

И тут случилось непредвиденное: публика все хуже принимала «Нью-Йорк пост», газета теряла тираж, еле-еле уходила от убытков. Кое-где в компании американских и европейских издателей, потерпевших от воинственного австралийца, уже раздавались злорадные возгласы: «Ага!» Кое-кто осмелился даже заговорить о «сумерках международного магната», стал предсказывать его неминуемое падение. Но ничего подобного не произошло. Напротив, хитрый Мэрдок, отступив на полшага назад, сделал сразу три шага вперед: он купил лондонскую «Таймс». Присвоил себе ту самую газету, которая в течение двухсот лет стояла же непоколебимо олицетворяла Британию, как Букингемский дворец и Вестминстерское аббатство.

Добрая старая Англия никогда не сомневалась, что именно «Таймс» всегда будет непрекаемым судьей и наставником в политике, морали и любых других проявлениях буржуазной добродетели. И вдруг на тебе: судью и наставника покупают меньше чем за 15 миллионов фунтов стерлингов. Не обращают внимания на трепещущие его болезни — вечные стаки печатников и росчерком пера увольняют 430 рабочих и служащих. Вдебавок покушаются на святые святыни — страницы газеты, которые умели с британским юмором сносить ежедневные невзгоды, связанные с ростом дорожных издержек и безработицы.

Информацию о безработице просто изгнали из газеты. Зато ее передовые статьи стали требовать «уменьшения налогов» (для состоятельных англичан) взамен сокращения «социального бюджета» для безработных и беднейшей части населения. Кое-кто из старых читателей «Таймса» притирал глаза: они не привыкли к такому неджентльменскому тону, не помнят, чтобы газета позволяла себе в лоб говорить о вещах, о которых британские правила приличия разрешают рассуждать лишь втихомолку, да и то в исключительно вежливо-туманных выражениях.

Бесцеремонно вломился новый хозяин и во внешнеполитические разделы газеты. Не понравилось ему ее глубокомыслие, не оценил он и известную сдержанность передовых статей, посвященных мировым делам. В беседе с главным редактором он даже обвинил «Таймс» в том, что она чрезмерно мягка по отношению к Советскому Союзу и не ведет открытой «экономической войны» против Москвы». Редактор вежливо позволил себе заметить, что такое требование напоминает о временах «холодной войны» и для «Таймса» оно едва ли подходит. Надо было видеть выражение лица Мэрдока, когда он столкнулся с таким возражением. «С каких пор мне осмеливаются перечить?» — загремел он и тут же уволил неосторожного собеседника.

С тех пор английские журналисты слегка поеживаются, когда речь идет о новом боссе «Таймса». Джон Бэрри, один из выброшенных на улицу публицистов, позднее описал эту процедуру так: «Сперва он, слегка кривя губы, плывет рядом с тобой. Потом — хват! — щелкает пастью. Кровь смешивается с водой, а твой голод уже нет».

Джон Бэрри, потеряв работу, сумел сохранить юмор. Не все, однако, обладают таким хладнокровием. Многие просто не решаются поднять голос протеста и молчат. Другие грустно признают, что британский журналистский стандарт «опущен до столь низкого уровня», что он уже теряется среди грязных луж.

Впрочем, это как раз то, что кое-кто на Западе ценит особенно высоко. Например, нынешний обитатель Белого дома Рейган, который неоднократно принимал Мэрдока и жаловал ему свою благосклонность. Да и босс газетной империи не может нахваливаться на нынешнюю американскую администрацию: никогда его концерн не рос быстрее, чем в годы рейганомики, никогда с таким успехом он не сбывал свою продукцию, как именно в последние годы, когда военный бизнес развивался столь

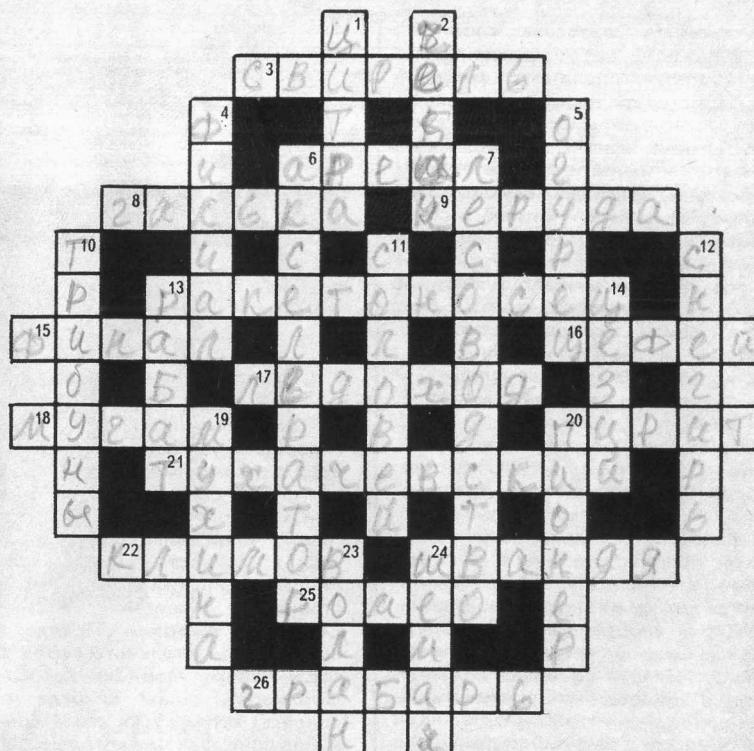
быстро, а гонения против миролюбивых людей на Западе приняли столь огромные размеры. Это, кстати, и побудило австралийца предпринять новые экспедиции за скальпами. Например, за 100 миллионов долларов он купил недавно газету «Чикаго сан-таймс», восьмую по величине в Америке. На следующий день после этой покупки 70 редакторов и работников издательства добровольно ушли или были уволены. Среди журналистов теперь имеет хождение термин «мэрдокизация», что означает перекопливание старой редакции, имеющей известную амбицию, расправу с мыслящими журналистами и выпуск на рынок очередного бульварного листка.

Могут спросить: неужели нет управы на этого не в меру разошедшегося босса средств массовой информации? Неужели никто не способен его остановить? Но в том-то и особенность нравов на Западе, что сильный всегда съедает слабого и сильному никто не указ. Тем более что власть его при известной ловкости не только пускает глубокие корни, но и быстро расширяется. Пример тому — активность Мэрдока в телевидении, в захвате позиций в коммерции космических связей, в добыче бокситов и даже в нефтяной промышленности. Недавно морская бурильная установка в Индийском океане, принадлежащая Мэрдоку, начала фонтанировать: нефть нашли на глубине более трех километров.

Добавим к этому внедрение австралийского босса в известную американскую фирму киноиндустрии «Уорнер Бразерс». Раньше она была производителем банальных фильмов, в которых снимался актер по имени Рональд Рейган. Добавим и другой любопытный факт: несколько недель назад Мэрдок стал одним из членов правления концерна «Юнайтед технолоджис», третьей по величине военной фирмы Соединенных Штатов Америки. Агрессия в идеологии, как видим, не довольствуется даже этой широкой сферой деятельности — она ищет места для приложения сил и в сфере гонки вооружений. Недаром глава правления упомянутой американской оружейной кузницы Гарри Грей прямо заявил, что его фирма будет помогать австралийцу обрести «глобальный профиль».

Такова действительность бизнеса на Западе: мелкие хищники исчезают в пасти крупных, а крупные раздуваются до вселенских размеров. Руперт Мэрдок из их числа. До поры до времени, пока он еще не вырвался на мировой простор и довольствовался спекуляциями в Австралии, о нем мало кто знал. Теперь же, когда он проник своими щупальцами в разные сферы западной экономики, о нем начинают говорить. Иные с раболепной миной на устах, другие с ненавистью, третьи даже с превидным гневом в голосе. Всем им, поклонникам и глашатаям «западных ценностей», хочется сказать: где вы были раньше, почему не подняли тревогу, почему дали возможность современной Акуле Додсону безнаказанно отравлять сознание миллионов?

Напрасно было бы ждать ответа на эти вопросы. Запад парирует их глубоким молчанием. Сказать нечего: власть над словом узурпировали мэрдоки...

По горизонтали: 3. Русская народная флейта. 6. Часть земной поверхности, где обитает определенный вид животного или растения. 8. Опера С. Моношко. 9. Чилийский поэт, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». 13. Боевой самолет, корабль. 15. Заключительная сцена оперы, балета. 16. Северное созвездие. 17. Рассказ М. Горького из цикла «По Руси». 18. Лад в азербайджанской народной музыке. 20. Минерал, серный или железный колчедан. 21. Маршал Советского Союза. 22. Конструктор авиационных двигателей, академик, дважды Герой Социалистического Труда. 24. Действующее лицо драмы К. А. Тренева «Любовь Яровая». 25. Герой балета С. С. Прокофьева. 26. Живописец, искусствовед, академик, народный художник СССР.

По вертикали: 1. Многострунный музыкальный инструмент, распространенный в зарубежных странах. 2. Молдавская певица, народная артистка СССР. 4. Отделение предприятия, учреждения, организации. 5. Овощная культура. 6. Регулятор количества горючей смеси, поступающей в цилиндры двигателя внутреннего сгорания. 7. Наука о методах выращивания древесных растений. 10. Спортсмен на стадионе с рядами мест для зрителей. 11. Сказка Х. К. Андерсена. 12. Певчая птица, обитающая в хвойных лесах. 13. Столица Маронно. 14. Химический элемент, металл. 19. Скульптор, народный художник СССР. 20. Советский журнал для детей. 23. Мяч для игры в бадминтон. 24. Ценная промысловая рыба семейства карповых.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 25

По горизонтали: 5. Алфавит. 7. Казачок. 8. Мережка. 9. Штанетник. 13. Ректор. 14. Мележ. 16. Опарин. 17. «Вертикаль». 18. Орешников. 20. Гайдар. 22. Тариф. 23. Адонис. 25. Теннисист. 28. «Квартет». 29. Поярнов. 30. Литавра.

По вертикали: 1. Олекма. 2. Растрелли. 3. Мичман. 4. Базальт. 6. Ряженка. 9. Широнорт. 10. Кронштадт. 11. Ветеран. 12. Чигорин. 14. Молот. 15. Жираф. 19. Архипелаг. 21. Джугара. 24. Ортион. 26. Нутрия. 27. Импорт.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Приветливую, неизменно доброжелательную Ольгу Лымарь хорошо знают в колхозе имени М. И. Калинина Красноармейского района Краснодарского края. Она четко ведет делопроизводство обширного и сложного хозяйства.

Фото А. Награльяна

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Все чин чином, как у взрослого...

Фото В. Купрова

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: д. н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ [главный художник], Д. К. ИВАНОВ [ответственный секретарь], Н. А. ИВАНОВА, Б. А. ЛЕОНОВ [заместитель главного редактора], В. Д. НИКОЛАЕВ [заместитель главного редактора], Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление при участии Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 04.06.84. Подписано к печати 19.06.84. А 10272. Формат 70 × 108 1/2. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 10,87. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 725 000 экз. Изд. № 1716. Заказ № 2792.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Дом-музей в селе Новоспасском.

НА ЗЕМЛЕ МИХАИЛА
ИВАНОВИЧА ГЛИНКИ

«МУЗЫКА - ДУША МОЯ»

Фото М. САВИНА

Мы приехали в Смоленск рано утром. Впереди были встречи, разговоры, хлопотливый журналистский день. А главное — дорога в небольшое село Новоспасское в ста пятидесяти километрах от Смоленска. На родину М. И. Глинки.

Слухами о музее-усадьбе М. И. Глинки земля уже полнилась. Но то, что мы увидели в Новоспасском, было похоже на чудо. Ведь еще недавно здесь находился пустырь. После смерти М. И. Глинки старый дом его продали; увезенный из Новоспасского, он спрятал где-то под Москвой в конце XIX века. Многие личные вещи композитора пропали, утерялись... А война, тяжелые бои под Ельней не пощадили и прекрасного парка...

Читая протокол комсомольского собрания одного из полков, защищавших село Ново-

спасское во время наступления фашистских войск под Ельней. Там написано: «Мы будем драться с фашистами за эту землю, на которой родился великий Глинка, до конца...»

В 1982 году музей был открыт, и тогда Т. Н. Хренников сказал: «Хвала и честь тем людям, которые восстановили это святое для всех советских людей место».

На Руси есть обычай — большие дела «делать всем миром». Именно так, всем миром и восстанавливали усадьбу М. И. Глинки. Не было человека, который остался бы равнодушным к этой общенародной заботе. Из Смоленска, Ельни, из сел и деревень всей области приезжали люди в Новоспасское; работали реставраторы, строители, мелиораторы; делу помогали студенты, школьники...

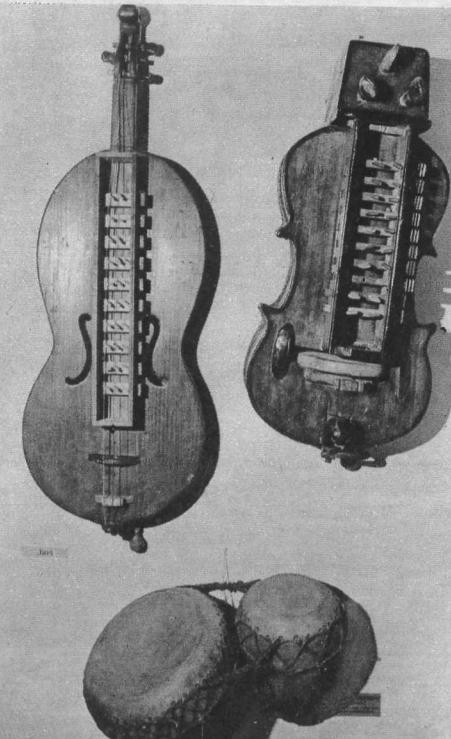
— Мы над музеем шефство взяли, — с гор-

достью сказали мне ребята из средней школы имени Глинки в Ельне.

— А что же вы теперь делаете?

— Летом косим. Зимой расчищаем дорожки. Дел много!

А сейчас, нынешним летом, перед нами Новоспасское именно таково, каким его видела семья Глинки. Дом, два флигеля, церковь на горе, парк с насаждом прудов... Бытует легенда, что на первый крик Михаила Глинки — едва явился на свет сын Ивана Николаевича и Евгении Андреевны — сад отлинулся словесной трелью. И будто вошел уже тогда в жизнь Глинки словесный — добрым знаком, предвестником грядущей судьбы... Пройдут годы, родители увезут Глинку в Петербург. Онрепнет его талант, и придет к нему слава... Париж, Милан, Берлин будут рукоплескать гениальному русскому музыканту. И только надменная русская знать не принимает «иучерской» музыки. После премьеры «Ивана Сусанина» Пушкин написал четверостишие — и не такое уж шуточное:

Старинные народные музыкальные инструменты.

Портрет молодого композитора.

Комната птиц.

Праздник на родной земле.

В этом зале создавалась опера «Иван Сусанин».

Слушая сию новинку,
Зависть, злобой омрачась,
Пусть скрежещет, но уж Глинку
Затоптать не может в грязь...

Всегда тянуло Глинку на родину, в Новоспасское. В своих «Записках» он пишет, что нигде ему не работалось лучше, чем в их старом доме, где впервые услышал он от своей нянюшки Авдотьи и русские сказки и песни. Так и начались любимые его детища: «Иван Сусанин», «Руслан и Людмила»...

С трепетом, благоговейно вхожу я в дом,—такой именно, каким он был. Диванная, гостиная, кабинет... Проходя по комнатах, словно чувствуешь незримое присутствие хозяина. И, хотя все здесь выстроено и отделано заново, возникает ощущение реальности, подлинности. Негромко доносится музыка. Научный сотрудник музея Т. К. Королева говорит:

— Во время экскурсий дети часто спрашивают: где же находится пианист? Можно ли его еще послушать?

Никакого пианиста в доме, конечно, нет: звучит запись. Но не рассказывают об этом ребятам: они уходят, унося с собой чудо... И я не призналась Тамаре Кузьминичне, что сама, подобно этим ребятам, чуть было не задала такой же вопрос.

Музей создал интереснейшую экспозицию. И как-то особенно греет душу то, что, рассказывая о Глинке и его великом гении, здесь не забывают рассказывать еще и о простом, веселом человеке, часто задумчивом, иногда лукавом.

В доме есть совсем необычная комната. У дверей ее экскурсовод сообщает:

— Мы идем к друзьям Глинки. С детских лет друзьями композитора были птицы — живые! И в Новоспасском, и в Петербурге, и даже во время путешествий за границу Глинка всегда устраивал у себя «птичьи комнаты».

Его сестра М. Шестакова вспоминала: «Птиц у него было более 16; между ними были варакушки, ольшанки, малиновки и даже соловьи. Все они летали на свободе по комнате, в которой для брата была поставлена нушетна; он часто лежал на ней и прислушивался к щебетанию и пению. И всегда после того, как побудет у птиц, возвратится в свою комнату, садится за рояль и играет долго-долго...»

Музей совсем молод. У него еще много проблем. Надо расписать в парадных комнатах потолки, заменить обои на «бархатные». Мне рассказали в музее, что бархатными назывались обои не из ткани, а из особой «бархатной» бумаги... Продолжаются поиски подлинных вещей М. И. Глинки. И это тоже долгая, кропотливая работа.

В Новоспасском музее побывало много музыкантов. Часто интересные посещения заканчивались импровизированными большими концертами.

С особой теплотой вспоминают здесь Т. Н. Хренникова, Е. Е. Нестеренко, а также молодых исполнителей, лауреатов конкурса имени Глинки.

Я спросила одну из участниц этого Всесоюзного конкурса, Любовь Казарновскую, как прошел концерт.

— Наверное, никогда я не волновалась так!.. Мне показалось, что даже петь не смогу. Но чувство скованности исчезло мгновенно, стоило только войти в этот живой дом... А потом нас угостили брусками и медом — совсем как во времена Глинки...

Каким же ярким, интересным был концерт в Новоспасском, завершающий нынешний фестиваль имени М. И. Глинки! Ежегодно проходящий теперь на Смоленской земле, фестиваль в этот раз был особенно торжествен: отмечалось 180-летие со дня рождения композитора... Традиция эта утвердилась с 1957 года. С тех пор фестиваль, начинавшийся в Смоленске, у памятника Глинки, заканчивается на родине композитора, в селе Новоспасском. И на сей раз, хоть и пошли дожди и погода грозила сорвать большой, многолюдный праздник под открытым небом, не захотели организаторы переносить концерт в клуб города Ельни. Ведь возникает нечто бесконечно дорогое, особенное в музыке Глинки, когда она звучит именно здесь, в Новоспасском. На той земле, откуда все и начиналось...

На сцене, устроенной посреди большого, свежевыкошенного луга, пели здешние красавицы в ярких, удивительных, вынутых из стариных сундуков, бережно хранимых нарядах... Они пели русские песни — и печальные, и задорные, с переплясом... Может быть, именно эти напевы, эту музыку слушал в Новоспасском Глинка...

Однажды он — восьмилетний мальчик — воскликнул: «Музыка — душа моя!!!» Словно предугадал свою судьбу, свою музыку, которая стала на веки вечные душой народа.

Памятник М. И. Глинке в Смоленске.

ISSN 0131—0097

Цена номера 40 коп.

Индекс 70663